

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

Удивительно светлая и теплая книга,
проникнутая любовью...

Library Journal

О всех
созданиях —
больших и малых

Азбука-бестселлер

Джеймс Хэрриот

**О всех созданиях –
больших и малых**

«Азбука-Аттикус»

1972

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хэрриот Д.

О всех созданиях – больших и малых / Д. Хэрриот — «Азбука-Аттикус», 1972 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-18908-9

С багажом свежих знаний и дипломом ветеринара молодой Джеймс Хэрриот прибывает в Дарроуби, небольшой городок, затерянный среди холмов Йоркшира. Нет, в учебниках ни слова не говорилось о реалиях английской глубинки, обычаях местных фермеров и подлинной работе ветеринарного врача, о которой так мечтал Хэрриот. Но в какие бы нелепые ситуации он ни попадал, с какими бы трудностями ни сталкивался, его всегда выручали истинно английское чувство юмора и бесконечная любовь к животным. К своим приключениям в качестве начинающего ветеринара Альфред Уайт (подлинное имя Джеймса Хэрриота) вернулся спустя несколько десятилетий (он начал писать в возрасте 50 лет). Сборник его забавных и трогательных рассказов «О всех созданиях – больших и малых» вышел в 1972 году и имел огромный успех. За этой книгой последовали и другие. Сегодня имя Хэрриота известно во всем мире, его произведения пользуются популярностью у читателей разных поколений и переведены на десятки языков. На русском языке книга впервые была опубликована в 1985 году в сокращенном виде, с пропуском отдельных фрагментов и глав. В настоящем издании представлен полный перевод с восстановленными купюрами.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18908-9

© Хэрриот Д., 1972
© Азбука-Аттикус, 1972

Содержание

Вечное чудо	7
Прибытие в Дарроуби	12
Мистер Фарнон меня испытывает	19
В дружеской обстановке	24
Первый самостоятельный вызов	27
Тристан, брат Зигфрида	32
Я не жалуюсь	35
Лучшее средство вразумления	40
Как мы жили	46
Беллерби, пришельцы из былых веков	51
Мистер Дин теряет друга	55
Тристан-бухгалтер	58
Зимняя прелесть китайских мопсов	62
На сцену выходит мисс Харботтл	66
Тристан-животновод	69
Тристан-животновод – 2	72
Зигфрид и мисс Харботтл	75
К чему приводит головокружение от успехов	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джеймс Хэрриот

О всех созданиях – больших и малых

© И. Г. Гурова, П. С. Гуров (наследник), перевод, 2007

© С. В. Струков (наследники), перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Вечное чудо

«Нет, авторы учебников ничего об этом не писали», – подумал я, когда очередной порыв ветра швырнул в зияющий дверной проем вихрь снежных хлопьев и они облепили мою голую спину. Я лежал ничком на булыжном полу в навозной жиже, моя рука по плечо уходила в недра тужащейся коровы, а ступни скользили по камням в поисках опоры. Я был обнажен по пояс, и талый снег мешался на моей коже с грязью и засохшей кровью. Фермер держал надо мной коптящую керосиновую лампу, и за пределами этого дрожащего кружка света я ничего не видел.

Нет, в учебниках ни слова не говорилось о том, как на ощупь отыскивать в темноте нужные веревки и инструменты, как обеспечивать асептику с помощью полуведра еле теплой воды. И о камнях, впивающихся в грудь, – о них тоже не упоминалось. И о том, как мало-помалу немеют руки, как отказывает мышца за мышцей и перестают слушаться пальцы, сжатые в тесном пространстве.

И нигде ни слова о нарастающей усталости, о щемящем ощущении безнадежности, о зарождающейся панике.

Я вспомнил картинку в учебнике ветеринарного акушерства. Корова невозмутимо стоит на сияющем белизной полу, а элегантный ветеринар в незапятнанном специальном комбинезоне вводит руку разве что по запястье. Он безмятежно улыбается, фермер и его работники безмятежно улыбаются, даже корова безмятежно улыбается. Ни навоза, ни крови, ни пота – только чистота и улыбки.

Ветеринар на картинке со вкусом позавтракал и теперь заглянул в соседний дом к телящейся корове просто развлечения ради, так сказать, на десерт. Его не подняли с теплой постели в два часа ночи, он не трясся, борясь со сном, двадцать километров по оледенелому проселку, пока наконец лучи фар не уперлись в ворота одинокой фермы. Он не карабкался по крутому снежному склону к заброшенному сараю, где лежала его пациентка.

Я попытался продвинуть руку еще на пару сантиметров. Голова теленка была запрокинута, и я кончиками пальцев с трудом проталкивал тонкую веревочную петлю к его нижней челюсти. Моя рука была зажата между боком теленка и тазовой костью коровы. При каждой схватке руку сдавливало так, что не было сил терпеть. Потом корова расслаблялась, и я проталкивал петлю еще на пару сантиметров. Надолго ли меня хватит? Если в ближайшие минуты я не зацеплю челюсть, теленка мне не извлечь... Я застонал, стиснул зубы и выиграл еще один сантиметр.

В дверь снова ударил ветер, и мне почудилось, что я слышу, как снежные хлопья шипят на моей раскаленной, залитой потом спине. Пот покрывал мой лоб и стекал в глаза при каждом новом усилии.

Во время тяжелого отела всегда наступает момент, когда перестаешь верить, что у тебя что-нибудь получится. И я уже дошел до этой точки.

У меня в мозгу начали складываться убедительные фразы: «Пожалуй, эту корову лучше забить. Тазовое отверстие у нее такое маленькое и узкое, что теленок все равно не пройдет». Или: «Она очень упитанна и, в сущности, мясной породы, так не лучше ли вам вызвать мясника?» А может быть, так: «Положение плода крайне неудачно. Будь тазовое отверстие пошире, повернуть голову теленка не составило бы труда, но в данном случае это совершенно невозможно».

Конечно, я мог бы прибегнуть к эмбриотомии; захватить шею теленка проволокой и отпилить голову. Сколько раз подобные отелы завершались тем, что пол усеивали ноги, голова, кучки внутренностей! Есть немало толстых справочников, посвященных способам расчленения теленка на части в материнской утробе.

Но ни один из них тут не подходил – ведь теленок был жив! Один раз ценой большого напряжения мне удалось коснуться пальцем уголка его рта, и я даже вздрогнул от неожиданности: язык маленького существа затрепетал от моего прикосновения. Телята в таком положении обычно гибнут из-за слишком крутого изгиба шеи и мощного сжатия при потугах. Но в этом теленке еще теплилась искра жизни, и, значит, появиться на свет он должен был целым, а не по кусочкам.

Я направился к ведру с совсем уже остывшей окровавленной водой и молча намылил руки по плечо. Потом снова улегся на поразительно твердый булыжник, упер пальцы ног в ложбинки между камнями, смахнул пот с глаз и в сотый раз засунул внутрь коровы руку, которая казалась мне тонкой, как макаронина. Ладонь прошла по сухим ножкам теленка, шершавым, словно наждачная бумага, добралась до изгиба шеи, до уха, а затем ценой невероятных усилий протиснулась вдоль мордочки к нижней челюсти, которая теперь превратилась в главную цель моей жизни.

Просто не верилось, что вот уже почти два часа я напрягаю все свои уже убывающие силы, чтобы надеть на эту челюсть маленькую петлю. Я испробовал и прочие способы: заворачивал ногу, зацеплял край глазницы тупым крючком и легонько тянул, – но был вынужден вновь вернуться к петле.

С самого начала все складывалось из рук вон плохо. Фермер мистер Динсдейл, долговязый, унылый, молчаливый человек, казалось, всегда ожидал от судьбы какой-нибудь пакости. Он следил за моими усилиями вместе с таким же долговязым, унылым, молчаливым сыном, и оба мрачнели все больше.

Но хуже всего был дядюшка. Войдя в этот сарай на холме, я с удивлением обнаружил там быстроглазого старичка в шапке пирожком, уютно примостившегося на связке соломы с явным намерением поразвлечься.

– Вот что, молодой человек, – заявил он, набивая трубку. – Я мистеру Динсдейлу брат, а ферма у меня в Листондейле.

Я положил свою сумку и кивнул:

– Здравствуйте. Моя фамилия Хэрриот.

Старичок хитро прищурился:

– У нас ветеринар мистер Брумфилд. Небось, слышали? Его всякий знает. Замечательный ветеринар. А уж при отеле лучше никого не найти. Я еще ни разу не видел, чтобы он спасовал.

Я кое-как улыбнулся. В любое другое время я был бы только рад выслушать похвалы по адресу коллеги, но не теперь, нет, не теперь. По правде говоря, его слова отозвались в моих ушах похоронным звоном.

– Боюсь, я ничего не слышал про мистера Брумфилда, – ответил я, снимая пиджак и с большой неохотой стаскивая рубашку. – Но я тут недавно.

– Не слышали про мистера Брумфилда! – ужаснулся дядюшка. – Ну так это вам чести не делает. В Листондейле им не нахвалятся, можете мне поверить! – Он негодуяше умолк, поднес спичку к трубке и оглядел мой торс, уже покрывавшийся гусиной кожей. – Мистер Брумфилд раздевается, что твой боксер. Уж и мускулы у него – загляденье!

На меня вдруг накатил волна томительной слабости, ноги словно налились свинцом, и я почувствовал, что никуда не гоюсь. Когда я принялся раскладывать на чистом полотенце свои веревки и инструменты, старичок снова заговорил:

– А вы-то давно практикуете?

– Месяцев семь.

– Семь месяцев! – Дядюшка снисходительно улыбнулся, придавил пальцем табак и выпустил облако вонючего сизого дыма. – Но важнее всего опыт, это я всегда говорю. Мистер Брум-

филд пользуется мою скотину десять лет, и он в своем деле мастак. К чему она, книжная-то наука? Опыт, опыт – вот в чем суть.

Я подлил в ведро дезинфицирующей жидкости, тщательно намылил руки до плеч и опустился на колени позади коровы.

– Мистер-то Брумфилд допрежь всегда руки особым жиром мажет, – сообщил дядюшка, удовлетворенно посасывая трубку, – он говорит, что обходиться только мылом с водой никак нельзя: наверняка занесешь заразу.

Я провел предварительное обследование. Это решающий момент для любого ветеринара, когда его призывают к телящейся корове. Еще несколько секунд – и я буду знать, надену ли я пиджак через пятнадцать минут, или мне предстоят часы и часы изнурительного труда.

На этот раз все оказалось даже хуже, чем можно было ожидать: голова плода обращена назад, а моя рука сдавлена так, словно я обследую телку, а не корову, телящуюся во второй раз. И все сухо – воды, по-видимому, отошли уже несколько часов назад. Она паслась высоко в холмах, и схватки начались за неделю до срока. Вот почему ее и привели в этот разрушенный сарай. Но как бы то ни было, а в постель я вернусь не скоро.

– Ну и что же вы обнаружили, молодой человек? – раздался пронзительный голос дядюшки. – Голова назад повернута, а? Так, значит, особых хлопот вам не будет. Мистер Брумфилд с ними запросто расправляется: повернет теленка и вытаскивает его задними ногами вперед, я сам видел.

Я уже успел наслушаться подобной ерунды. Несколько месяцев практики научили меня, что все фермеры – большие специалисты, пока дело касается соседней скотины. Если заболит их собственная корова, они тут же бросаются к телефону и вызывают ветеринара, но о чужой рассуждают как знатоки и сыплют всяческими полезными советами. И особенно меня поразило, что к таким советам прислушиваются с куда большим интересом, чем к указаниям ветеринара. Вот и теперь Динсдейлы внимали разглагольствованиям дядюшки с глубоким почтением: он явно был признанным оракулом.

– А еще, – продолжал мудрец, – можно собрать парней покрепче, с веревками, да разом и выдернуть его, как там у него голова ни повернута.

Продолжая свои маневры, я прохрипел:

– Боюсь, в таком тесном пространстве повернуть всего теленка невозможно. А если его выдернуть, не выправив положения головы, таз коровы будет обязательно поврежден.

Динсдейлы ухмыльнулись: они явно считали, что я увиливаю, подавленный превосходством дядюшки.

И вот теперь, два часа спустя, я готов был сдаться. Два часа я ерзал и ворочался на грязном булыжнике, а Динсдейлы следили за мной в угрюмом молчании под нескончаемый аккомпанемент дядюшкиных советов и замечаний. Красное лицо дядюшки сияло, маленькие глазки весело блестели – давно уже ему не доводилось так отлично проводить время. Конечно, взбираться на холм было куда как нелегко, но оно того стоило. Его оживление не угасало, он смаковал каждую минуту.

Я замер с зажмуренными глазами и открытым ртом, ощущая коросту грязи на лице. Дядюшка зажал трубку в руке и наклонился ко мне со своего соломенного трона.

– Выдохлись, молодой человек, – сказал он с глубоким удовлетворением. – Вот чтоб мистер Брумфилд спасовал, я еще не видывал. Ну да он человек опытный. К тому же силач силачом. Уж он-то никогда не устает.

Ярость разлилась по моим жилам, как глоток неразбавленного спирта. Самым правильным, конечно, было бы вскочить, опрокинуть ведро с бурой водой дядюшке на голову, сбежать с холма и уехать – уехать навсегда, подальше от Йоркшира, от дядюшки, от Динсдейлов, от их проклятой коровы.

Вместо этого я стиснул зубы, напряг ноги, нажал из последних сил и, сам себе не веря, почувствовал, как петля скользнула за маленькие острые резцы в рот теленка. Очень осторожно, затаив дыхание, я левой рукой потянул тонкую веревку, и петля под моими пальцами затянулась. Наконец-то мне удалось зацепить эту челюсть!

Теперь я мог что-то предпринять.

– Возьмите конец веревки, мистер Динсдейл, и тяните, только ровно и не сильно. Я отожду теленка назад, и, если вы в это время будете тянуть, голова повернется.

– Ну а как веревка соскользнет? – с надеждой осведомился дядюшка.

Я не стал отвечать, а прижал ладонь к плечу теленка, надавил и почувствовал, как маленькое тельце отодвигается вглубь против волны очередной схватки.

– Тяните, мистер Динсдейл, только ровно, не дергая, – скомандовал я, а про себя добавил: «Господи, только бы не соскользнула, только бы не соскользнула!»

Голова поворачивалась! Вдоль моей руки распрямлялась шея, вот моего локтя коснулось ухо. Я отпустил плечо и ухватил мордочку. Оберегая стенку влагалища от зубов малыша, я вел голову, пока она не легла на передние ноги, как ей и полагалось.

Тут я торопливо ослабил петлю и передвинул ее за уши.

– А теперь, как только она натужится, тяните за голову!

– Да нет, за ноги надо тянуть! – крикнул дядюшка.

– Тяните за голову, черт вас дерит! – рявкнул я во всю глотку и с радостью заметил, что дядюшка оскорбленно вернулся на свою солому.

Вот показалась голова, за ней без труда выскользнуло туловище. Теленок лежал на булыжнике неподвижно. Глаза у него остекленели, язык был синий и распухший.

– Сдох, конечно! – проворчал дядюшка, возобновляя атаку.

Я очистил рот теленка от слизи, изо всех сил подул ему в горло и принялся делать искусственное дыхание. После трех-четырех нажатий теленок судорожно вздохнул, и веки его задержались. Скоро он уже начал дышать нормально и пошевелил ногой.

Дядюшка снял шапку и недоверчиво поскреб в затылке:

– Жив, скажите на милость! А я уж думал, что он не выдержит: сколько же это вы времени возились!

Тем не менее пыл его поулег, зажатая в зубах трубка была пуста.

– Вот что теперь требуется малышу, – сказал я, ухватив теленка за передние ноги, и подтащил к морде матери.

Корова лежала на боку, устало положив голову на булыжник, полузакрыв глаза, ничего не замечая вокруг, и тяжело дышала. Но стоило ей почувствовать возле морды тельце теленка, как она преобразилась: глаза ее широко раскрылись, и она принялась шумно его обнюхивать. С каждой секундой ее интерес возрастал: она перекатилась на грудь, тычась мордой в теленка и утробно урча, а затем начала тщательно его вылизывать. В таких случаях сама природа обеспечивает стимулирующий массаж, и под грубыми сосочками материнского языка, растиравшими его шкурку, малыш выгнул спину и минуту спустя встряхнул головой и попытался сесть.

Я улыбнулся до ушей. Мне никогда не надоедало вновь и вновь быть свидетелем этого маленького чуда, и, казалось, оно не может приестся, сколько бы раз его ни наблюдать. Я попытался соскрести с кожи присохшие кровь и грязь, но толку было мало. Туалет придется отложить до возвращения домой. Рубашку я натягивал с таким ощущением, словно меня долго били толстой дубиной. Все тело болело и ныло. Во рту пересохло, губы слиплись.

Возле меня замаячила высокая унылая фигура.

– Может, дать попить? – спросил мистер Динсдейл.

Корка грязи на моем лице пошла трещинами от благодарной улыбки. Перед глазами возникло видение большой чашки горячего чая, щедро сдобренного виски.

– Вы очень любезны, мистер Динсдейл, я с удовольствием выпью чего-нибудь горяченького. Это были нелегкие два часа.

– Да нет, – сказал мистер Динсдейл, не отводя от меня пристального взгляда, – может, дать корове попить?

– Ну да, конечно, разумеется, конечно, – забормотал я. – Обязательно дайте ей попить.

Я собрал свое имущество и, спотыкаясь, выбрался из сарая. Снаружи была темная ночь, и резкий ветер швырнул мне в глаза колючий снег. Спускаясь по темному склону, я в последний раз услышал голос дядюшки, визгливый и торжествующий:

– А мистер Брумфилд против того, чтобы поить после отела. Говорит, что эдак можно желудок застудить.

Прибытие в Дарроуби

В ветхом тряском автобусе было невыносимо жарко, а я к тому же сидел у окна, сквозь которое били лучи июльского солнца. Мой лучший костюм душил меня, и я то и дело оттягивал пальцем тесный белый воротничок. Конечно, в такой зной следовало бы надеть что-нибудь полегче, но в нескольких милях дальше меня ждал мой потенциальный наниматель, и мне необходимо было произвести наилучшее впечатление.

От этого свидания столько зависело! Получить диплом ветеринара в 1937 году было почти то же, что встать в очередь за пособием по безработице. В сельском хозяйстве царил застой, поскольку десять с лишним лет правительство его попросту игнорировало, а рабочая лошадь, надежная опора ветеринарной профессии, стремительно сходила со сцены. Нелегко сохранять оптимизм, когда молодые люди после пяти лет усердных занятий в колледже попадали в мир, совершенно равнодушный к их свеженакопленным знаниям и нетерпеливому стремлению поскорее взяться за дело. В «Рикорде» ежедневно появлялись два-три объявления «Требуется...», и на каждое находилось человек восемьдесят желающих.

И я глазам своим не поверил, когда получил письмо из Дарроуби – городка, затерянного среди йоркширских холмов. Мистер Зигфрид Фарнон, член Королевского ветеринарного общества, будет рад видеть меня у себя в пятницу, во второй половине дня, – выпьем чашечку чая, и, если подойдем друг другу, я могу остаться там в качестве его помощника. Я ошеломленно вцепился в этот неожиданный подарок судьбы: столько моих друзей-однокашников не могли найти места, или стояли за прилавками магазинов, или занимались чернорабочими на верфи, что я уже махнул рукой на свое будущее.

Шофер вновь лязгнул передачей, и автобус начал вползать на очередной крутой склон. Последние двадцать пять километров дорога все время шла вверх, и вдаль смутно заголубели очертания Пеннинских гор. Мне еще не доводилось бывать в Йоркшире, но это название всегда вызывало в моем воображении картину края такого же положительного и неромантического, как мясной пудинг. Я ожидал встретить доброжелательную солидность, скуку и полное отсутствие какого-либо очарования. Но под стоны старенького автобуса я начинал проникаться убеждением, что ошибся. То, что еще недавно было бесформенной грядой на горизонте, превратилось в высокие безлесные холмы и широкие долины. Внизу среди деревьев петляли речки, добротные фермерские дома из серого камня вставали среди лугов, зелеными языками уходивших к вершинам холмов, откуда на них накатывались темные волны вереска.

Мало-помалу заборы и живые изгороди сменились стенками, сложенными из камня, – они обрамляли дороги, замыкали в себе поля и луга, убегали вверх по бесконечным склонам. Эти стенки виднелись повсюду, мили и мили их расчерчивали зеленые плато.

Но по мере того как близился конец моего путешествия, в памяти начали всплывать одна за другой страшные истории – те ужасы, о которых повествовали в колледже ветераны, закаленные и ожесточенные несколькими месяцами практики. Наниматели, все до единого бессердечные и злобные личности, считали помощников жалкими ничтожествами, морили их голодом и замучивали работой. «Ни одного свободного дня или хотя бы вечера! – говорил Дейв Стивенс, дрожащей рукой поднося спичку к сигарете. – Заставлял меня мыть машину, вскапывать грядки, подстригать газон, ходить за покупками. Но когда он потребовал, чтобы я прочищал дымоход, я уехал». Ему вторил Уилли Джонстон: «Мне сразу же поручили ввести лошади зонд в желудок. А я вместо пищевода угодил в трахею. Надо откачивать, а лошадь грохнулась на пол и не дышит. Откинула копыта. Вот откуда у меня эти седые волосы». А жуткий случай с Фредом Принглом? О нем рассказывали всем и каждому. Фред сделал прокол корове, которую раздуло, и, ошеломленный свистом выходящих наружу газов, не нашел ничего лучше, как под-

нести к гильзе пробойника зажигалку. Пламя полыхнуло так, что запалило солому, и коровник сгорел дотла. А Фред тут же уехал куда-то далеко – на Подветренные острова, кажется.

А, черт! Уж это чистое вранье. Я выругал свое воспаленное воображение и попытался заглушить в ушах рев огня и мычание обезумевших от страха коров, которых выводили из огнедышащего жерла коровника. Нет, такого все-таки случиться не могло! Я вытер вспотевшие ладони о колени и попробовал представить себе человека, к которому ехал.

Зигфрид Фарнон. Странное имя для йоркширского сельского ветеринара. Наверное, немец – учился у нас в Англии и решил обосноваться здесь навсегда. И конечно, по-настоящему он не Фарнон вовсе, а, скажем, Фарренен. Сократил для удобства. Ну да, Зигфрид Фарренен. Мне казалось, что я его уже вижу: эдакий переваливающийся на ходу толстячок с веселыми глазками и булькающим смехом. Но одновременно мне пришлось отгонять навязчиво возникавший облик грузного холодноглазого тевтона с ежиком жестких волос на голове – он как-то больше отвечал ходовому представлению о ветеринаре, берущем помощника.

Автобус, прогромыхав по узкой улочке, въехал на площадь и остановился. Я прочел надпись над витриной скромной бакалейной лавки: «Дарроубийское кооперативное общество». Конец пути.

Я вышел из автобуса, поставил свой потрепанный чемодан на землю и огляделся. Что-то было совсем непривычным, но сначала я не мог уловить, что именно. А потом вдруг понял. Тишина! Остальные пассажиры уже разошлись, шофер выключил мотор, и нигде вокруг – ни движения, ни звука. Единственным видимым признаком жизни была компания стариков, сидевших возле башенки с часами посреди площади, но и они застыли в неподвижности, словно изваянные из камня.

В путеводителях Дарроуби занимает две-три строчки, и то не всегда. А уж если его и описывают, то как серенький городок на реке Дарроу, с рыночной площадью, вымощенной булыжником, и без каких-либо достопримечательностей, если не считать двух старинных мостов. Но выглядел он очень живописно: над бегущей по камешкам речкой теснились домики, уступами располагаясь по нижнему склону Херн-Фелла. В Дарроуби отовсюду – и с улиц, и из домов – была видна величавая зеленая громада этого холма, поднимающегося на две тысячи футов над скоплениями крыш.

Воздух был прозрачным, и меня охватило ощущение простора и легкости, словно я сбросил с себя какую-то тяжесть на равнине в двадцати милях отсюда. Теснота большого города, копоть, дым – все это осталось там, а я был здесь.

Улица Тренгейт, тихая и спокойная, начиналась прямо от площади; я свернул в нее и в первый раз увидел Скелдейл-хаус. Я сразу понял, что иду правильно, – еще до того, как успел прочесть «Зигфрид Фарнон, ЧКВО» на старомодной медной дощечке, довольно криво висевшей на чугунной ограде. Дом я узнал по плющу, который карабкался по старым кирпичным стенам до чердачных окон. Так было сказано в письме – единственный дом, увитый плющом. Значит, вот тут я, возможно, начну свою ветеринарную карьеру.

Поднявшись на крыльцо, я вдруг задохнулся, точно от долгого бега. Если место останется за мной, значит именно тут я по-настоящему узнаю себя. Ведь проверить, чего я стою, можно только на деле!

Старинный дом георгианского стиля мне понравился. Дверь была выкрашена белой краской. Белыми были и рамы окон – широких, красивых на первом и втором этаже, маленьких и квадратных высоко вверху, под черепичным скатом крыши. Краска облупилась, известка между кирпичами во многих местах выкрошилась, но дом оставался непреходяще красивым. Палисадника не было, и только чугунная решетка отделяла его от улицы.

Я позвонил, и тотчас предвечернюю тишину нарушил ошалелый лай, точно свора гончих неслась по следу. Верхняя половина двери была стеклянной. Поглядев внутрь, я увидел, как из-за угла длинного коридора хлынул поток собак и, захлебываясь лаем, обрушился на

дверь. Я давно свыкся со всякими животными, но у меня возникло желание поскорее убраться восвояси. Однако я только отступил на шаг и принялся разглядывать собак, которые, иногда по двое, возникали за стеклом, сверкая глазами и лязгая зубами. Через минуту мне более или менее удалось их рассортировать, и я понял, что, насчитав сгоряча в этой кутерьме четырнадцать псов, немного ошибся. Их оказалось всего пять: большой светло-рыжий грейхаунд, который мелькал за стеклом особенно часто, потому что ему не нужно было прыгать так высоко, как остальным, кокер-спаниель, скотчтерьер, уипет и миниатюрный коротконогий охотничий терьер. Последний возникал за стеклом очень редко, так как для него оно было высоковато, но уж если прыжок ему удавался, он, прежде чем исчезнуть, успевал твякнуть особенно залихватски.

Я уже снова поднял руку к звонку, но тут увидел в коридоре дородную женщину. Она резко произнесла одно какое-то слово, и лай смолк точно по волшебству. Когда она открыла дверь, свирепая свора умильно ластилась у ее ног, показывая белки глаз и виляя поджатыми хвостами. В жизни мне не приходилось видеть таких подхалимов.

– Добрый день, – сказал я, улыбаясь самой обаятельной улыбкой. – Моя фамилия Хэрриот.

В дверном проеме женщина выглядела даже еще дороднее. Ей было лет шестьдесят, но зачесанные назад черные как смоль волосы лишь кое-где тронула седина. Она кивнула и посмотрела на меня с суровой доброжелательностью, как будто ждала дальнейших пояснений. Моя фамилия ей явно ничего не сказала.

– Мистер Фарнон меня ожидает. Он написал мне, приглашая приехать сегодня.

– Мистер Хэрриот? – повторила она задумчиво. – Прием с шести до семи. Если вы хотите показать свою собаку, вам будет удобнее привести ее тогда.

– Нет-нет, – сказал я, упорно улыбаясь. – Я писал насчет места помощника, и мистер Фарнон пригласил меня приехать к чаю.

– Место помощника? Это хорошо. – Суровые складки на ее лице слегка разгладились. – А я – миссис Холл. Веду хозяйство мистера Фарнона. Он ведь холостяк. Про вас он мне ничего не говорил, ну да не важно. Заходите, выпейте чашечку чая. Он, наверное, скоро вернется.

Я пошел за ней через выбеленный коридор. Мои каблуки звонко застучали по плиткам пола. В конце коридора мы свернули еще в один, и я уже решил, что дом невероятно длинен, но тут миссис Холл открыла дверь залитой солнцем комнаты. Она была благородных пропорций, с высоким потолком и массивным камином между двумя нишами. Стеклопанель в глубине вела в обнесенный стеной сад. Я увидел запущенный газон, каменистую горку и множество фруктовых деревьев. В солнечных лучах пылали кусты пионов, а дальше на вязах перекликались грачи. Над стеной виднелись зеленые холмы, исчерченные каменными оградами.

Мебель была самая обычная, а ковер заметно потерт. По стенам висели охотничьи граюры, и всюду были книги. Часть чинно стояла на полках в нишах, но остальные громоздились грудками по углам. На одном конце каминной полки красовалась пинтовая оловянная кружка. Очень любопытная кружка, доверху набитая чеками и банкнотами. Некоторые даже вывалились на решетку внизу. Я с удивлением рассматривал эту странную копилку, но тут в комнату вошла миссис Холл с чайным подносом.

– Вероятно, мистер Фарнон уехал по вызову, – заметил я.

– Нет, он уехал в Бротон навестить свою мать, так что я не знаю, когда он вернется.

Она поставила поднос и ушла. Собаки мирно расположились по всей комнате, и, если не считать небольшой стычки между скотчтерьером и кокер-спаниелем за право занять мягкое кресло, от недавней бурности их поведения не осталось и следа. Они лежали, поглядывая на меня со скупающей дружелюбностью, и тщетно боролись с неодолимой дремотой. Вскоре последняя покачивающаяся голова упала на лапы, и комнату наполнило разнообразное посапывание и похрапывание.

Но я не разделял их безмятежности. Меня одолевало сосущее чувство разочарования: я с таким напряжением готовился к разговору с мистером Фарноном и вдруг словно повис в пустоте! Все выглядело как-то странно. Зачем приглашать помощника, назначать время встречи – и уезжать в гости к матери? И еще: если бы он взял меня, мне предстояло сразу же остаться тут, в этом доме, но экономка не получила никаких инструкций о том, чтобы приготовить для меня комнату. Собственно говоря, ей обо мне вообще ни слова не сказали.

Мои размышления были прерваны звонком дверного колокольчика. Собаки, словно от удара током, с воплями взвились в воздух и клубком выкатились за дверь. Я пожалел, что они относятся к своим обязанностям столь серьезно и добросовестно. Миссис Холл нигде не было видно, и я прошел к входной двери, перед которой собаки усердно проделывали свой коронный номер.

– Заткнитесь! – рявкнул я во всю мочь, и лай мгновенно смолк.

Пять собак смиренно закружили возле моих лодыжек – впечатление было такое, что они чуть ли не ползают на коленях. Но всех превзошел красавец-грейхаунд, оттянувший губы в виноватой ухмылке.

Я открыл дверь и увидел перед собой круглое оживленное лицо. Оно принадлежало толстяку в резиновых сапогах, который развязно прислонился к решетке.

– Здравствуйте, здрасте. А мистер Фарнон дома?

– Нет, он еще не вернулся. Не мог бы я вам помочь?

– Ага. Передайте ему от меня, когда он вернется, что у Берта Шарпа в Барроу-Хиллз надо бы корову просверлить.

– Просверлить?

– Угу, она на трех цилиндрах работает.

– На трех цилиндрах?

– Ага! И если ничего не сделать, то как бы у нее мошна не повредилась!

– Да-да, конечно.

– Не доводить же до того, чтобы у нее опухло, верно?

– Разумеется, нет.

– Вот и ладно. Значит, скажете ему. Счастливого оставаться!

Я медленно вернулся в гостиную. Как ни грустно, но я выслушал первую в моей практике историю болезни и не понял ни единого слова.

Не успел я сесть, как колокольчик вновь зазвонил. На этот раз я испустил грозный вопль, остановивший собак, когда они еще только взлетели в воздух. Сразу разобравшись, что к чему, они обескураженно вернулись на облюбованные места.

Теперь за дверью стоял серьезный джентльмен в кепке, строго надвинутой на уши, в шарфе, аккуратно укутывавшем кадык, и с глиняной трубкой точно в середине рта. Он взял ее в руку и сказал с сильнейшим ирландским акцентом:

– Моя фамилия Муллиген, и я хотел бы, чтобы мистер Фарнон изготовил микстуру для моей собачки.

– А что с вашей собачкой, мистер Муллиген?

Он вопросительно поднял бровь и поднес ладонь к уху. Я загремел во весь голос:

– А что с ней?

Он несколько секунд смотрел на меня с большим сомнением.

– Ее выворачивает, сэр. Очень сильно.

Я почувствовал под ногами твердую почву и уже прикидывал, как точнее поставить диагноз.

– Через какое время после еды ее тошнит?

– Что-что? – Ладонь снова поднялась к уху.

Я нагнулся поближе к нему, набрал воздуха в легкие и взревел:

– Когда ее выворачивает... то есть тошнит?

Лицо мистера Муллигена прояснилось. Он мягко улыбнулся:

– Вот-вот. Ее выворачивает. Очень сильно, сэр.

У меня не осталось сил на новую попытку, а потому я сказал ему, что позабочусь о микс-туре, и попросил зайти позднее. Вероятно, он умел читать по губам, потому что медленно побрел прочь с довольным видом.

Вернувшись в гостиную, я рухнул на стул и налил себе чаю. Едва я сделал первый глоток, как колокольчик снова зазвонил. На этот раз оказалось достаточно одного свирепого взгляда, чтобы собаки покорно вернулись на свои места. От их сообразительности у меня стало легче на душе.

За дверью стояла рыжеволосая красавица. Она улыбнулась, показав множество очень белых зубов.

– Добрый день, – произнесла она светским тоном. – Я Диана Бромптон. Мистер Фарнон ждет меня к чаю.

Я слотнул и уцепился за дверную ручку.

– Он пригласил вас на чай?

Улыбка застыла у нее на губах.

– Совершенно верно, – сказала она, чеканя слова. – Он пригласил меня на чай.

– Боюсь, мистера Фарнона нет дома. И я не знаю, когда он вернется.

Улыбка исчезла.

– А! – сказала она, вложив в это междометие чрезвычайно много. – Но в любом случае не могу ли я войти?

– Ну конечно. Разумеется. Извините, – забормотал я, поймав себя на том, что гляжу на нее с разинутым ртом.

Я распахнул дверь, и она прошла мимо меня без единого слова. Дом, по-видимому, был ей знаком: когда я добрался до поворота, она уже исчезла в гостиной. Я на цыпочках прошел мимо, а дальше припустил по извилистому коридору галопом и метров через тридцать влетел в большую кухню с каменным полом, где обнаружил миссис Холл. Я бросился к ней:

– Там пришла гостья. Какая-то мисс Бромптон. Она тоже приглашена к чаю! – Я чуть было не потянул миссис Холл за рукав.

Ее лицо хранило непроницаемое выражение. А я-то думал, что она хотя бы горестно всплеснет руками! Но ей как будто даже в голову не пришло удивиться.

– Пойдите займите ее разговором, – сказала она. – А я принесу еще пирожков.

– Но о чем же я буду с ней разговаривать? А мистер Фарнон, он скоро вернется?

– Да поболтайте с ней о чем вздумается. Он особенно не задержится, – ответила миссис Холл невозмутимо.

Я медленно побрел в гостиную. Когда я открыл дверь, девушка быстро обернулась и ее губы начали было раздвигаться в новой ослепительной улыбке. Увидев, что это всего лишь я, она даже не попробовала скрыть досаду.

– Миссис Холл думает, что он должен скоро вернуться. Может быть, вы пока выпьете со мной чаю?

Она испепелила меня взглядом от моих всклокоченных волос до кончиков старых, потрескавшихся ботинок. И я вдруг почувствовал, как запыхался и пропотел за долгую тряску в автобусе. Затем она слегка пожала плечами и отвернулась. Собаки смотрели на нее с вялым равнодушием. Комнату окутала тягостная тишина.

Я налил чашку чая и предложил ей. Она словно не заметила этого и закурила сигарету. Тяжелое положение! Но отступать мне было некуда, я слегка откашлялся и сказал небрежно:

– Я только что приехал. И возможно, буду новым помощником мистера Фарнона.

На этот раз она не потрудилась даже посмотреть на меня и только сказала: «А!» – но вновь это междометие прозвучало как пощечина.

– Места тут очень красивые, – не отступал я.

– Да.

– Я впервые в Йоркшире, но то, что я успел увидеть, мне очень нравится.

– А!

– Вы давно знакомы с мистером Фарноном?

– Да.

– Если не ошибаюсь, он совсем молод. Лет около тридцати?

– Да.

– Чудесная погода.

– Да.

С упрямым мужеством я продержался еще пять минут, тщетно придумывая, что бы такое сказать пооригинальнее и поостроумнее, но затем мисс Бромптон вынула сигарету изо рта, молча повернулась ко мне и вперила в меня ничего не выражающий взгляд. Я понял, что это конец, и растерянном умолк.

Она опять отвернулась к стеклянной двери и сидела, глубоко затягиваясь и щурясь на струйки дыма, вырывающиеся из ее губ. Я для нее не существовал.

Теперь я мог, не торопясь, рассмотреть ее – и она того стоила. Мне еще ни разу не доводилось видеть вживе картинку из журнала мод. Легкое полотняное платье, изящный жакет, красивые ноги в элегантных туфлях и великолепные, ниспадающие на плечи рыжие кудри.

Я был заинтригован: вот она сидит тут и ждет не дождется жирного немчика-ветеринара. Наверное, в этом Фарноне что-то есть!

В конце концов мисс Бромптон вскочила, яростно швырнула сигарету в камин и возмущенно вышла из комнаты.

Я устало поднялся со стула и побрел в сад за стеклянной дверью. У меня побаливала голова, и я опустился в высокую, по колено, траву возле акации. Куда запропастился Фарнон? Действительно ли письмо было от него, или кто-то сыграл со мной бессердечную шутку? При этой мысли меня пробрал холод. На дорогу сюда ушли мои последние деньги, и, если произошла ошибка, я окажусь в более чем скверном положении.

Потом я посмотрел по сторонам, и мне стало легче. Старинная кирпичная ограда дышала солнечным теплом, над созвездиями ярких душистых цветов гудели пчелы. Легкий ветерок тербил увядшие венчики чудесной глицинии, заплетшей всю заднюю стену дома. Тут царили мир и покой.

Я прислонил голову к шершавой коре акации и закрыл глаза. Надо мной наклонился герр Фарренен, совершенно такой, каким я его себе представлял. Его физиономия дышала негодованием.

– Что вы сделает? – вскричал он, брызгая слюной, и его жирные щеки затряслись от ярости. – Ви входите в мой дом обманом. Ви оскорбляете фрейлен Бромптон, ви тринкен мой тшай, ви съедает майне пирожки. Что ви еще делает? Ви украдает серебряные ложки? Ви говорит – мой помощник, но я не нуждаюсь ни в каком помощнике. Сей минут я вызываю полицию.

Пухлая рука герра Фарренена сжала телефонную трубку. Даже во сне я удивился тому, как нелепо он коверкает язык. Низкий голос повторял: «Э-эй, э-эй!»

И я открыл глаза. Кто-то говорил «э-эй», но это был не герр Фарренен. К ограде, сунув руки в карманы, прислонился высокий худой человек. Он чему-то посмеивался. Когда я с трудом встал на ноги, он оторвался от ограды и протянул мне руку:

– Извините, что заставил ждать. Я Зигфрид Фарнон.

Такого воплощения чисто английского типа я в жизни не видел. Длинное, полное юмора лицо с сильным подбородком. Подстриженные усики, растрепанная рыжевато-седая шевелюра. На

нем был старый твидовый пиджак и летние, утратившие всякую форму брюки. Воротничок клетчатой рубашки обтрепался, галстук был завязан кое-как. Этот человек явно не имел обыкновения вертеться перед зеркалом.

Я глядел на него, и у меня на душе становилось все легче, несмотря на ноющую боль в затекшей шее. Я помотал головой, чтобы окончательно разлепить глаза, и из моих волос посыпались сухие травинки.

– Приходила мисс Бромптон, – вдруг объявил я. – К чаю. Я сказал, что вас срочно вызвали.

Лицо Фарнона стало задумчивым. Но отнюдь не расстроенным. Он потер подбородок:

– Хм, да... Ну не важно. Но приношу извинения, что я вас не встретил. У меня на редкость скверная память, и я попросту забыл.

И голос был сугубо английский.

Фарнон поглядел на меня долгим изучающим взглядом и весело улыбнулся:

– Идемте в дом. Я покажу вам что и как.

Мистер Фарнон меня испытывает

В дни былой славы длинная пристройка позади дома предназначалась для слуг. В отличие от комнат по фасаду там все было темным, узким и тесным.

Фарнон подвел меня к первой из нескольких дверей, открывавшихся в коридор, где висел запах эфира и карболки.

– Это, – сказал он, и глаза его таинственно заблестели, словно он указывал мне вход в пещеру Аладдина, – наша аптека.

В дни, когда еще не было пенициллина и сульфаниламидов, аптеке принадлежала весьма важная роль. От пола до потолка по стенам тянулись ряды сверкающих банок и бутылей. Я с удовольствием читал знакомые названия: эфир, настойка камфары, хлородин, формалин, нашатырь, гексамин, свинцовый сахар, линиментум альбум, сулема, вытяжной пластырь. Хорош вод этикеток действовал успокаивающе.

Я был среди старых друзей. Сколько лет им отдано, сколько трудов положено, чтобы постичь их тайны! Я знал их состав, действие, применение и все капризы их дозировки. У меня в ушах зазвучал голос экзаменатора: «Доза для лошади? Для коровы? Для овцы? Для свиньи? Для собаки? Для кошки?»

Эти полки содержали весь арсенал ветеринара в его войне с болезнями. На рабочем столе у окна красовались орудия для приготовления из них нужных лекарств – мензурки, колбы, ступки, пестики. А под ними за открытыми дверцами шкафчика – пузырьки, груды пробок всех размеров, коробочки под пилюли, бумага для заворачивания порошков.

Мы медленно обходили комнату, и Фарнон с каждой минутой оживлялся все больше. Глаза его сверкали, он так и сыпал словами. То и дело он протягивал руку и поглаживал бутылку на полке, взвешивал на ладони лошадиный болюс, доставал из коробки баночку с пастой на меду, ласково похлопывал ее и бережно ставил на место.

– Поглядите-ка, Хэрриот! – неожиданно закричал он так, что я вздрогнул. – Адреван! Прекрасное средство от аскарид у лошадей. Но дороговато! Десять шиллингов коробочка. А это пессарии с генциановым фиолетовым. Если засунуть такой пессарий в матку коровы после чистки, выделения обретают прелестный цвет. Так и кажется, что от него есть польза. А этот фокус вы видели?

Он бросил несколько кристаллов йода в стеклянную чашечку и капнул на них скипидаром. Секунду все оставалось как было, а потом к потолку поднялось клубящееся облако фиолетового дыма. При виде моего ошарашенного лица он расхохотался:

– Прямо-таки черная магия, верно? Так я лечу раны на ногах у лошадей. Химическая реакция загоняет йод глубоко в ткани.

– Неужели?

– Точно не скажу, но такая теория существует, а к тому же, согласитесь, выглядит это впечатляюще. Самый твердолюбый клиент не устоит.

Некоторые бутылки на полках не вполне отвечали этическим нормам, которые я усвоил в колледже. Например, та, которая была украшена этикеткой «Бальзам от колик» и внушительным рисунком быоущейся в агонии лошади. Морда животного была повернута вверх и выражала чисто человеческую муку. Кудрявая надпись на другой бутылки гласила: «Универсальная панацея для рогатого скота – безотказное средство от кашлей, простуд, дизентерии, воспаления легких, послеродовых параличей, затвердения вымени и всех расстройств пищеварения». По низу этикетки жирные заглавные буквы обещали: «Не замедлит принести облегчение».

Фарнон находил, что сказать почти обо всех лекарственных средствах. У каждого было свое место в его опыте, накопленном за пять лет практики; у каждого было свое обаяние, свой таинственный ореол. Многие бутылки были красивой формы, с тяжелыми гранеными проб-

ками и латинскими названиями, выдавленными по стеклу, – названиями, которые известны врачам уже много веков и успели войти в фольклор.

Мы стояли, глядя на сверкающие ряды, и нам даже в голову не приходило, что почти все это практически бесполезно и что дни старых лекарств уже сочтены. В ближайшем будущем стремительный поток новых открытий сметет их в пропасть забвения, и больше им не вернуться.

– А вот тут мы храним инструменты.

Фарнон провел меня в соседнюю комнатку. На полках, обтянутых зеленой бязью, были аккуратно разложены блистающие чистотой инструменты для мелких животных. Шприцы, акушерские инструменты, рашпили для зубов, всевозможные зонды и – на почетном месте – офтальмоскоп.

Фарнон любовно извлек его из черного футляра.

– Мое последнее приобретение, – пророкотал он, поглаживая гладкую трубку. – Удивительная штучка. Ну-ка, проверьте мою сетчатку!

Я включил лампочку и с любопытством уставился на переливающийся цветной занавес в глубине его глаза:

– Прелестно. Могу выписать справку, что у вас там все в порядке.

Он усмехнулся и хлопнул меня по плечу:

– Отлично, я рад. А то мне все казалось, что в этом глазу у меня намечается катаракта.

Настала очередь инструментов для крупных животных. По стенам висели ножницы и прижигатели, щипцы и эмаскуляторы, арканы и путы, веревки для извлечения телят и крючки. На почетном месте красовался новый серебристый эмбриотом, но многие орудия, как и снадобья в аптеке, были музейными редкостями. Особенно флеботом и ударник для «отворения крови» – наследие средневековья, хотя и теперь порой приходится пускать их в ход, и густая струя крови стекает в подставленное ведро.

– По-прежнему непревзойденное средство при ламините, ревматическом воспалении копыт, – торжественно провозгласил Фарнон.

Осмотр мы закончили в операционной с голыми белыми стенами, высоким столом, кислородным баллоном, оборудованием для эфирной анестезии и небольшим автоклавом.

– В здешних местах с мелкими животными работать приходится нечасто. – Фарнон провел рукой по столу. – Но я стараюсь изменить положение. Это ведь куда приятнее, чем ползать на животе в коровнике. Главное – правильный подход к делу. Прежняя доктрина касторки и синильной кислоты совершенно устарела. Наверное, вы знаете, что многие старые зубры не желают пачкать рук о собак и кошек, но пора обновить принципы нашей профессии.

Он подошел к шкафчику в углу и открыл дверцу. Я увидел стеклянные полки, а на них скальпели, корнцанги, хирургические иглы и банки с кетгутотом в спирту. Он вытащил носовой платок, обмахнул ауроскоп и тщательно закрыл дверцы.

– Ну что скажете? – спросил он, выходя в коридор.

– Великолепно! – ответил я. – У вас тут есть практически все, что может понадобиться. Я даже не ожидал.

Он прямо-таки засветился от гордости. Худые щеки порозовели, и он начал что-то мурлыкать себе под нос, а потом вдруг громко запел срывающимся баритоном в такт нашим шагам.

Когда мы вернулись в гостиную, я передал ему просьбу Берта Шарпа:

– Что-то о том, что надо бы просверлить корову, которая работает на трех цилиндрах. Он говорил о ее мошне и об опухании... я не совсем разобрался.

– Пожалуй, я сумею перевести, – засмеялся Фарнон. – У его коровы закупорка соска. Мошна – это вымя, а опуханием в здешних местах называют мастит.

– Спасибо за объяснение. Приходил еще глухой мистер Муллиген...

– Погодите! – Фарнон поднял ладонь. – Я попробую угадать... Собачку выворачивает?

– Очень сильно выворачивает, сэр.

– Ага. Ну так я приготовлю ему еще пинту углекислого висмута. Я предпочитаю лечить этого пса на расстоянии. С виду он смахивает на эрделя, но ростом не уступит ослу, и характер у него мрачный. Он уже несколько раз валил Джо Муллигена на пол – опрокинет и треплет от нечего делать. Но Джо его обожает.

– А эта рвота?

– Ерунда. Естественная реакция на то, что он жрет любую дрянь, какую только находит. Но к Шарпу надо бы поехать. И еще кое-куда. Хотите со мной – посмотреть здешние места?

На улице он кивнул на старенький «хиллмен», и, обходя машину, чтобы влезть в нее, я ошеломленно разглядывал лысые покрышки, ржавый кузов и почти матовое ветровое стекло в густой сетке мелких трещин. Зато я не заметил, что сиденье рядом с шофером не закреплено, а просто поставлено на салазки. Я плюхнулся на него и опрокинулся, упершись затылком в заднее сиденье, а ногами – в потолок. Фарнон помог мне сесть как следует, очень мило извинился, и мы поехали.

За рыночной площадью дорога круто пошла вниз, и перед нами развернулась широкая панорама холмов, озаренных лучами предвечернего солнца, которые смягчали резкость очертаний. Ленты живого серебра на дне долины показывали, где по ней вьется Дарроу.

Фарнон вел машину самым непредсказуемым образом. Вниз по склону он, словно зачарованный пейзажем, ехал медленно, упершись локтями в рулевое колесо и сжав подбородок ладонями. У подножия холма он очнулся и ринулся вперед со скоростью семьдесят миль в час. Дряхлый «хиллмен» трясся на узком шоссе, и, как я ни упирался ногами в пол, мое подвижное сиденье моталось из стороны в сторону.

Потом Фарнон резко затормозил, чтобы показать мне элитных шортгорнов на соседнем лугу, и сразу же прибавил газа. На шоссе перед собой он вообще не смотрел, и все его внимание было обращено на происходящее по сторонам и позади. Именно это последнее обстоятельство внушало мне тревогу: слишком уж часто он гнал машину на большой скорости, глядя в заднее стекло.

Наконец мы свернули с шоссе на проселок, тут и там перегороженный воротами. Студенческая практика научила меня лихо выскакивать из машины, чтобы отворять и затворять ворота, – ведь студенты считались как бы автоматами для открывания ворот. Однако Фарнон каждый раз благодарил меня без тени иронии, и, когда я оправился от изумления, мне это понравилось.

Мы въехали во двор фермы.

– Тут лошадь охромела, – объяснил Фарнон.

Фермер вывел к нам рослого клайдсдейлского мерина и несколько раз провел его взад и вперед, а мы внимательно смотрели.

– По-вашему, какая нога? – спросил Фарнон. – Передняя левая? Мне тоже так кажется. Хотите провести осмотр?

Я пощупал левое копыто, почувствовал, что оно заметно горячее правого, и попросил дать мне молоток. Когда я постучал по стенке копыта, лошадь вздрогнула, приподняла ногу и несколько секунд продержала на весу, а потом очень осторожно опустила на землю.

– По-моему, гнойный пододерматит.

– Вы безусловно правы, – сказал Фарнон. – Только тут это называется «камешком». Что, по-вашему, следует сделать?

– Вскрыть подошву и эвакуировать гной.

– Правильно. – Он протянул мне копытный нож. – Интересно, каким методом вы пользуетесь?

Понимая, что подвергаюсь испытанию – чувство не из приятных! – я взял нож, приподнял ногу лошади и зажал копыто между колен. Я хорошо знал, что надо делать: найти на подошве

темное пятно – место проникновения инфекции – и выскребать его, пока не доберусь до гноя. Я соскреб присохшую грязь – и вместо одного обнаружил несколько темных пятен. Еще постукав по копыту, чтобы определить болезненную зону, я выбрал наиболее подходящее с виду пятно и принялся скоблить.

Рог казался твердым, как мрамор, и поворот ножа снимал только тоненькую стружку. Мерину же явно понравилось, что ему можно не опираться на больную ногу, и он с благодарностью навалился на мою спину всей тяжестью. Впервые за целый день ему было удобно стоять. Я охнул и ткнул его локтем в ребра. Он слегка отодвинулся, но тут же снова навалился на меня.

Пятно тем временем становилось все светлее. Еще один поворот ножа – и оно исчезло. Выругавшись про себя, я принялся за другое пятно. Спина у меня разламывалась, пот заливал глаза. Если и это пятно окажется ложным, мне придется опустить копыто и передохнуть. Но какой может быть отдых под взглядом Фарнона?

Я отчаянно кромсал копыто, воронка углублялась, но мои колени начинали неудержимо дрожать. Мерин блаженствовал, переложив значительную часть своего веса (а весил он никак не меньше тонны!) на такого услужливого двуногого. Я уже представлял себе, какой у меня будет вид, когда я наконец ткнусь носом в землю, но тут из воронки брызнул гной и потек ровной струйкой.

– Прорвало! – буркнул фермер. – Теперь ему полегчает.

Я расширил дренажное отверстие и отпустил копыто. Выпрямился я далеко не сразу, а когда выпрямился и отступил на шаг, рубашка на спине пластырем прилипла к коже.

– Отлично, Хэрриот! – Фарнон забрал у меня нож и сунул его в карман. – Это не шутка, когда рог такой твердый!

Он ввел лошади противостолбнячную сыворотку и повернулся к фермеру:

– Будьте добры, приподнимите ему ногу, пока я продезинфицирую рану.

Плотный низенький фермер зажал копыто между колен и с интересом наблюдал, как Фарнон заполнил воронку йодными кристаллами, а потом капнул на них скипидаром. И тут его скрыла завеса фиолетового дыма.

Я заворуженно следил, как поднимаются вверх и ширятся густые клубы, в глубине которых кашляет и фыркает фермер.

Дым понемногу рассеивался, и из его пелены возникли два широко раскрытых изумленных глаза.

– Ну, мистер Фарнон, я сперва никак в толк не мог взять, что такое случилось, – проговорил фермер сквозь кашель. Он поглядел на почерневшую дыру в копыте и добавил благоговейно: – Это же надо, до чего нынче наука дошла!

Затем мы заехали посмотреть теленка, порезавшего ногу. Я обработал рану, зашил ее и наложил повязку, и мы отправились лечить корову с закупоркой соска.

Мистер Шарп ожидал нас, и его круглое лицо сияло все тем же оживлением. Мы вошли вслед за ним в коровник, и Фарнон кивнул на корову:

– Поглядите, что тут можно сделать.

Я присел на корточки, начал ощупывать сосок и примерно на середине обнаружил уплотнение. Этот комок необходимо было разрушить, и я начал ввинчивать в канал тонкую металлическую спираль. Секунду спустя я обнаружил, что сижу в стоке для навозной жижи и пытаюсь отдышаться, на моей рубашке, как раз над солнечным сплетением, красуется отпечаток раздвоенного копыта.

Глупое положение! Но сделать я ничего не мог и продолжал сидеть, открывая и закрывая рот, как рыба, вытасненная из воды.

Мистер Шарп прижал ладонь ко рту – его природная деликатность вступила в конфликт с естественным желанием рассмеяться при виде севшего в лужу ветеринара.

– Вы уж извините, молодой человек! Мне бы вас предупредить, что корова эта страсть какая вежливая. Ей бы только кому руку пожать! – Сраженный собственным остроумием, он прижался лбом к боку коровы и затрясся в припадке беззвучного хохота.

Я отдышался и встал на ноги, старательно сохраняя достоинство. Мистер Шарп держал корову за морду, а Фарнон задирает ей хвост, и мне удалось ввести инструмент в фиброзный комок. Я несколько раздернул и прочистил канал. Однако, хотя принятые меры предосторожности несколько ограничили возможности коровы, ей все-таки удалось насажать мне синяков на руки и на ноги.

Когда операция была завершена, фермер потянул сосок, и на пол брызнула белая пенящаяся струя.

– Вот это дело! Теперь она работает на четырех цилиндрах!

В дружеской обстановке

– Вернемся другой дорогой. – Фарнон наклонился над рулевым колесом и протер рукавом сетку трещин на ветровом стекле. – Через Бренкстоунский перевал и вниз по Силдейлскому склону. Крюк невелик, а мне хочется, чтобы вы все это посмотрели.

Мы свернули на крутое узкое шоссе и забирались все выше над обрывом, уходившим в темноту ущелья, по которому клубился ручей, устремляясь к широкой долине. На вершине мы вышли из машины. Окутанные летними сумерками нагромождения куполов и пиков убегали на запад, теряясь в золоте и багрянце закатного неба. На востоке над нами нависала темная громада горы, безлесная, суровая. Большие кубические камни усеивали ее нижние склоны.

Я посмотрел кругом и тихо присвистнул. Все это совершенно не походило на дружелюбные пологие холмы, среди которых я въезжал в Дарроуби. Фарнон обернулся ко мне:

– Да, это один из самых диких пейзажей в Англии, а зимой тут бывает и совсем жутко. Перевал иногда неделями остается под снегом.

Я глубоко вдохнул чистый воздух. В величавых просторах нигде не было заметно ни малейшего движения, но откуда-то донесся крик кроншнепа, и внизу глухо ревел поток.

Уже совсем стемнело. Мы сели в машину и начали длинный спуск в Силдейлскую долину. Она тонула в смутной тьме, но на склонах, там, где ютились одинокие фермы, мерцали огоньки.

Мы въехали в тихую деревушку, и Фарнон внезапно нажал на тормоз. Мое подвижное сиденье скользнуло вперед как по маслу, и я с треском ударился лбом о ветровое стекло, но Фарнон словно ничего не заметил.

– Тут есть чудесный трактирчик. Зайдем выпить пива.

Ничего похожего мне еще видеть не доводилось. Это была просто большая квадратная кухня с каменным полом. Один угол занимали огромный очаг и старая закопченная плита. В очаге стоял чайник; шипело и постреливало единственное большое полено, наполняя помещение приятным смолистым запахом.

На скамьях с высокими спинками у стен расположились посетители: человек десять-двенадцать. Перед ними на дубовых столах, потрескавшихся и покоробившихся от возраста, рядами выстроились пинтовые кружки.

Когда мы вошли, наступила тишина, потом кто-то сказал: «А, мистер Фарнон!» – без особой радости, но вежливо, и остальные дружески кивнули или что-то приветственно буркнули. Почти все это были фермеры и работники с красными обветренными лицами, собравшиеся тут приятно отдохнуть без шума и бурного веселья. Молодые парни сидели, расстегнув рубашку на могучей груди. Из угла доносились негромкие голоса и пощелкивание – там шла мирная игра в домино.

Фарнон подвел меня к скамье, заказал две кружки пива и поглядел на меня:

– Ну, место ваше, если оно вас устраивает. Четыре фунта в неделю, стол и квартира. Договорились?

От неожиданности я онемел. Меня берут! И четыре фунта в неделю! Мне вспомнились трагические объявления в «Рикорде»: «Опытный ветеринарный врач согласен работать только за содержание». Ветеринарная ассоциация вынуждена была пустить в ход все свое влияние, чтобы газета прекратила печатать эти вопли отчаяния. Нельзя было допустить, чтобы представители нашей профессии публично предлагали свои услуги даром. Четыре фунта – это же целое богатство!

– Спасибо, – сказал я, изо всех сил стараясь скрыть свое ликование. – Я согласен.

– Отлично. – Фарнон отхлебнул пива. – А теперь я расскажу вам что и как. Практику я купил год назад у восьмидесятилетнего старца. Он еще работал, учтите. На редкость крепкий старик. Но ездить по вызовам в глухую ночь ему становилось не по силам. И конечно, в других

отношениях он тоже недотягивал – цеплялся за старину. Эти древние орудия в операционной принадлежали ему. Ну как бы то ни было, от практики оставались только рожки да ножки, и теперь я пытаюсь ее восстановить. Пока она почти не приносит дохода, но я убежден, что нам надо только продержаться год-другой, и все будет прекрасно. Фермеры рады врачу помоложе, и им нравятся новые способы лечения. К сожалению, старик брал с них за консультацию всего три с половиной шиллинга, и отучить их от этого непросто. Люди тут чудесные, и вам они понравятся, но раскошеляться они не любят, пока вы им не докажете, что за свои деньги они получают сполна.

Он увлеченно повествовал о своих планах, трактирщик не успевал наливать пиво, и атмосфера в зале все больше теплела. Его заполнили завсегдатаи, шум и духота нарастали, и перед закрытием я оказался среди очень симпатичных людей, с которыми словно был знаком давным-давно, а мой коллега куда-то подевался.

Зато в поле моего зрения вновь и вновь возникала странная личность – старичок в грязной белой панаме, лихо торчавшей над лишенным всякой растительности коричневым лицом, которому годы придали сходство со старым порыжелым сапогом. Он крутился возле нашей компании, делал мне знаки, подмигивал. Полагая, что его что-то тревожит, я покорно последовал за ним к скамье в углу. Старичок сел напротив, сжал пальцы на ручке своей палки, уперся в них подбородком и уставился на меня из-под полуопущенных век.

– Вот что, молодой человек, мне с вами потолковать надо. Всю жизнь я возле скотины провел, вот и надо нам потолковать.

У меня по коже побежали мурашки. Сколько раз я уже так попадался! Чуть ли не на первом курсе я обнаружил, что у всех до единого деревенских стариков существует твердое убеждение в неоценимости тех сведений, какими они могут с вами поделиться. А занимает это обычно уйму времени. Я испуганно поглядел по сторонам. И убедился, что угодил в ловушку. Старичок придвинул свой стул поближе и заговорил заговорщицким шепотом. Струи пивного перегара били мне в лицо с расстояния в шесть дюймов.

Ничего нового я не услышал – обычный список чудесных исцелений, им совершенных, и вернейших панацей, известных ему одному, а также множество отступлений на тему о бессовестных людях, которые тщетно пытались выведать у него заветные тайны. Он умолкал, только чтобы отхлебнуть из пинтовой кружки: его щедедушное тело, видимо, было способно вместить немыслимое количество пива.

Но он был счастлив, и я не перебивал его, а, наоборот, подбадривал, зримо поражаясь и восхищаясь.

Видимо, такой слушатель попался старичку впервые. Он был владельцем маленькой фермы, но теперь жил на покое, и уже много лет никто не оказывал ему уважения, которого он заслуживал.

Лицо его расплывалось в кривоватой ухмылке, слезящиеся глаза излучали дружелюбие. Внезапно он обрел серьезность и выпрямился на скамье.

– Так вот, паренек, скажу я тебе то, чего никто, кроме меня, не знает. Я бы мог деньги лопатой гребсти. Уж так меня допекали, расскажи да расскажи, только я – ни-ни.

Он понизил уровень пива в кружке на несколько дюймов и сощурил глаза в щелочки:

– Снадобье от лошадиного мокреца!

Я подскочил так, словно рядом рухнул потолок.

– Да не может быть! – охнул я. – От лошадиного мокреца?!

Старичок прямо замурлыкал:

– Может, может! Вотрешь мою мазь – и все как рукой снимет. Смотришь, а лошадь-то уже здоровехонька! – Его голос поднялся до жиденького вопля, и он так взмахнул рукой, что локтем сбросил на пол уже почти пустую кружку.

Я негромко присвистнул и заказал еще пинту.

– И вы правда скажете мне, что это за мазь? – прошептал я благоговейно.

– Скажу-скажу, паренек, но одно условие поставлю. Чтобы ты ни одной живой душе ни словечка! Чтоб знали только ты да я! – Он без всякого усилия вылил в глотку половину новой пинты. – Только ты да я, паренек.

– Хорошо, обещаю. Я ни одной живой душе не скажу. Так какая это мазь?

Старичок подозрительно оглядел шумный зал. Потом набрал в грудь воздуха, положил ладонь мне на плечо и приблизил губы к моему уху. Торжественно икнув, он произнес сиплым шепотом:

– Тыквенная притирка!

Я молча схватил его руку и сердечно ее потряс. Старик, растроганный до глубины души, расплескал значительную часть оставшегося пива по подбородку.

Но Фарнон уже махал мне с порога. Пора было и честь знать. Вместе с новыми нашими друзьями мы высыпали на улицу, образовав в ее тьме и тишине островок шума и света. Бело-брысый парень без пиджака с прирожденной вежливостью распахнул передо мной дверцу машины и помахал на прощание рукой. Я рухнул на сиденье. На этот раз оно проявило особую расторопность и тотчас отшвырнуло меня назад. Голова моя упокоилась на груди резиновых сапог, а колени уткнулись в подбородок.

Сквозь заднее стекло на меня взирали изумленные лица, но вскоре дружеские руки уже помогли мне подняться и водворили коварное сиденье на место. Сколько времени оно так болтается? И почему мой наниматель никак его не закрепит?

Взревев мотором, мы унеслись в темноту. Я оглянулся. Компания махала нам вслед. Старичок стоял у распахнутой двери. В лющемся из нее свете его панамы сияла белизной, точно новая. Он многозначительно прижимал палец к губам.

Первый самостоятельный вызов

Все предыдущие пять лет вели к одной-единственной минуте, но она никак не наступала. Я пробыл в Дарроуби уже сутки, а еще ни разу не съездил на вызов самостоятельно.

И на второй день я тоже ездил с Фарноном. Как ни странно, но он – такой, казалось бы, небрежный, забывчивый и беззаботный человек – отнюдь не торопился предоставить своему новому помощнику самостоятельность.

На этот раз мы ездили в Лиддердейл, и я познакомился еще с несколькими нашими клиентами – дружелюбными, приветливыми фермерами, которые принимали меня очень хорошо и желали мне всяческих успехов. Однако, работая в присутствии Фарнона, я словно вновь проходил студенческую практику под руководством придиричивого преподавателя. Я всем своим существом ощущал, что по-настоящему моя профессиональная карьера начнется, только когда я, Джеймс Хэрриот, поеду лечить больное животное без чужой помощи и надзора.

Но теперь этот час был уже не за горами. Фарнон снова уехал в Бротон навестить свою мамушку. Такая сыновья преданность меня несколько удивила, к тому же он предупредил, что вернется поздно, – старушка, по-видимому, придерживалась не слишком правильного образа жизни. Ну да не важно. Главное – лечебница была оставлена на меня.

Я сидел в кресле с широким потертым чехлом и созерцал сквозь стеклянную дверь длинные тени, которые заходящее солнце отбрасывало на давно не стриженный газон. Меня охватывало предчувствие, что сидеть вот так мне придется довольно часто.

От нечего делать я пытался представить себе, каким будет мой самый первый случай. Уж конечно, после стольких лет ожидания – что-нибудь самое заурядное. Теленок с кашлем, свинья с несварением желудка. Но, пожалуй, так даже лучше: начать с чего-то простенького и сразу вылечить животное... Спокойное течение моих мыслей прервал трезвон телефона в коридоре, разносившийся по пустому дому как-то особенно громко. Я взял трубку.

– Мистер Фарнон? – резко спросил глубокий бас.

– Нет. К сожалению, он уехал. Говорит его помощник.

– Когда он вернется?

– Боюсь, что поздно ночью. Могу ли я вам помочь?

– Ну уж не знаю, можете или нет. – Тон стал очень суровым. – Я мистер Сомс, управляющий имением лорда Халтона. Очень ценную охотничью лошадь схватили колики. Вы что-нибудь о коликах знаете?

Меня это разозлило.

– Я дипломированный ветеринарный врач и, мне кажется, должен что-то о них знать.

Наступила длительная пауза, потом голос рявкнул:

– Ну что ж, пускай вы! Да и в любом случае я знаю, что нужно ей впрыснуть. Захватите ареколин. Мистер Фарнон всегда им пользуется. И ради бога, не тяните до полуночи. Когда вас ждать?

– Я выезжаю сейчас же.

– Ну ладно.

В трубке щелкнуло. Я отошел от телефона, и мне стало жарко. Значит, мой первый случай все-таки не будет чистой формальностью. Колики – штука коварная, к тому же мне в затылок будет дышать грубый всезнайка по фамилии Сомс.

Все восемь миль дороги я мысленно перечитывал классический труд Колтона Рикса «Обычные колики у лошадей». За последний год в колледже я так часто его штудировал, что способен был декламировать наизусть абзацами, как стихи. И перед моими глазами, пока я ехал, маячили потрепанные страницы. Легкий запор или небольшая спазма... Из-за изменения корма или избытка сочной травы. Да, конечно, чаще колики этим и исчерпываются. Быстрая

инъекция ареколина и, может быть, чуточку хлородина, чтобы снять неприятные ощущения, и все будет в порядке. Я перебирал в уме случаи, с которыми сталкивался во время практики. Лошадь стоит совершенно спокойно, только иногда приподнимает заднюю ногу или оглядывает свой бок... А, пустяки!

И, все еще смакуя эту утешительную картину, я въехал в безупречно чистый, усыпанный песком двор, с трех сторон окруженный солидными просторными стойлами. Там прохаживался широкоплечий, плотно сложенный мужчина щеголеватого вида, в клетчатой кепке и куртке, элегантных брюках и блестящих крагах.

Я затормозил шагах в тридцати от него и вылез, а он медленно и подчеркнуто повернулся ко мне спиной. Я не спеша пошел через двор, давая ему возможность обернуться, но он стоял, сунув руки в карман, и упорно смотрел в другую сторону.

Я остановился почти рядом с ним, но он так и не обернулся. В конце концов мне надоело смотреть на его спину, и я сказал:

– Мистер Сомс?

Тут он наконец неторопливо повернулся ко мне. Я увидел толстую красную шею, багровое лицо и злобные глазки. Ничего не ответив, он смерил меня с головы до ног пронзительным взглядом, от которого не укрылись ни мой поношенный плащ, ни моя молодость, ни явное отсутствие опыта. Закончив осмотр, он снова уставился мимо меня.

– Да, я мистер Сомс. – Слово «мистер» он подчеркнул, словно очень им дорожил. – Я близкий друг мистера Фарнона.

– Моя фамилия Хэрриот.

Сомс словно не услышал.

– Да, мистер Фарнон умнейший человек. Мы с ним большие друзья.

– Насколько я понял, у одной из ваших лошадей колики.

Ну почему мой голос прозвучал так пронзительно и неуверенно?!

Сомс по-прежнему глядел куда-то в небо. Он негромко засвистел какой-то мотивчик и только потом сказал:

– Вон там! – Он мотнул головой в сторону денника. – Один из лучших гунтеров его милости. И требуется ему специалист, так мне кажется. – Слово «специалист» он произнес с особым ударением.

Я открыл дверь, вошел и остановился как вкопанный. Денник был просторный, с толстым слоем торфа на полу. По нему безостановочно кружил гнедой конь, и в торфе была уже протоптана глубокая дорожка. Он был весь в мыле от кончика носа до хвоста. Раздутые ноздри, невидящие неподвижные глаза. При каждом шаге его голова моталась, сквозь стиснутые зубы на пол падали хлопья пены. От него остро пахло потом, словно он долго мчался галопом.

У меня пересохло во рту. С трудом, почти шепотом, я спросил:

– И давно он так?

– Ну, утром у него прихватило живот, и я весь день давал ему черный настой, то есть вон тот бездельник давал. Но, может, он и тут все перепутал, как всегда.

Только теперь я заметил, что в темном углу стоит высокий грузный человек с недоуздком в руке.

– Да нет, мистер Сомс, настой-то он у меня пил как следует, только вот пользы никакой. – Он был явно испуган.

– А еще конюх! – сказал Сомс. – Конечно, мне надо было самому за него взяться. Ему бы уже давно полегло.

– Черный настой ему не помог бы, – сказал я. – Это не простые колики.

– Ну а что же это, черт побери?

– Я ничего не могу сказать, пока не осмотрю его, но такая непрерывная острая боль может означать непроходимость... заворот кишок.

– Заворот кишок, еще чего! Живот у него прихватило, только и всего. Его с утра заперло, так и надо дать ему чего-нибудь, чтобы его прочистило. Ареколин вы привезли?

– Если это непроходимость, то ареколин – самое скверное, что можно придумать. У него и так жуткие боли, а от ареколина он вообще взбесится. Ведь ареколин усиливает сокращение мышц кишечника.

– Черт подери! – рявкнул Сомс. – Вы что, лекции сюда читать приехали? Будете вы лечить лошадь или нет?

– Наденьте на него недоуздок, и я его осмотрю.

Недоуздок был надет, и конь остановился. Он стоял, весь дрожа, и застонал, когда я провел ладонью от ребра к локтевому отростку, нащупывая пульс. Пульс оказался хуже некуда: свехучащенный и нитевидный. Я отвернул веко. Слизистая оболочка была темно-коричневого цвета. Термометр показал 38 °С.

Я оглянулся на Сомса:

– Мне нужно ведро воды, мыло и полотенце. Будьте так добры.

– Это еще зачем? Еще ничего не сделали, а решили помыться?

– Я решил провести ректальное исследование. Будьте добры, принесите мне воду.

– Господи помилуй! Это что-то новенькое! – Сомс устало провел рукой по глазам и вдруг набросился на конюха: – Ну хватит прохлаждаться! Притащи воды, и, может, дело сдвинется.

Когда принесли воду, я намылил руку и осторожно ввел ее в прямую кишку коня. Я ясно ощутил смещение тонких кишок влево и напряженное вздутие, которому там быть не следовало. Едва я прикоснулся к вздутию, как лошадь вздрогнула и застонала.

Я вымыл и вытер руки. Сердце у меня бешено билось. Как мне поступить? Что сказать?

Сомс то выходил из денника, то снова входил, что-то бормоча, а изнемогающий от боли конь извивался и дергался.

– Да держи ты чертову тварь! – прикрикнул Сомс на конюха, сжимавшего недоуздок. – Чего ты зеваешь?

Конюх ничего не сказал. Он ни в чем не был виноват, но посмотрел на Сомса пустым взглядом.

Я глубоко вздохнул:

– Все симптомы указывают на одно: у этой лошади непроходимость.

– Ну пусть по-вашему. Пусть непроходимость. Так сделайте что-нибудь, чего вы ждете? Мы что, всю ночь тут стоим?

– Сделать ничего нельзя. Это неизлечимо. Остается только как можно скорее избавить его от страданий.

Сомс нахмурился:

– Неизлечимо? Избавить от страданий? Что вы такое болтаете?

Мне кое-как удалось сдержаться.

– Я жду, чтобы вы разрешили мне сейчас его пристрелить.

– Это вы о чем? – Сомс даже рот открыл.

– О том, что его следует немедленно пристрелить. У меня в машине есть специальный пистолет.

– Застрелить! – Сомс, казалось, вот-вот задохнется от ярости. – Совсем с ума сошли! Да вы знаете, сколько он стоит?

– Это никакого значения не имеет, мистер Сомс. Он весь день терпел невыносимую боль, и он умирает. Вам следовало вызвать меня давным-давно. Он может протянуть еще несколько часов, но исход предрешен. И он все время будет испытывать дикую непрерывную боль.

Сомс зажал голову в ладонях:

– Господи, за что? Его милость за границей, а то я бы дозвонился ему, чтобы он вас образумил. Повторяю, будь тут ваш хозяин, он впрыснул бы ему чего-нибудь и за полчаса поставил бы на ноги. Послушайте, а может, подождем мистера Фарнона? Пусть он его посмотрит.

Что-то во мне радостно отозвалось на это предложение. Впрыснуть ему морфия и убраться отсюда. Переложить ответственность на кого-нибудь другого. Так просто! Я взглянул на коня. Он уже опять кружил по деннику, спотыкался и шел, шел по выбитой в торфе дорожке в безнадежной попытке уйти от боли. Я смотрел на него, а он вдруг поднял мотающуюся голову и жалобно заржал. Непонимающе, безутешно, безнадежно. И я не выдержал: стремглав бросился к машине и достал пистолет, предназначенный для убоя животных.

– Подержите его за голову, – сказал я конюху и прижал дуло между остекленевшими глазами.

Раздался резкий хлопок, ноги коня подогнулись, он рухнул на торфяную подстилку и замер.

Я повернулся к Сомсу, который ошеломленно смотрел на труп.

– Утром заедет мистер Фарнон и проведет вскрытие. Я хочу, чтобы лорд Халтон получил подтверждение моего диагноза.

Надев пиджак, я пошел к машине. Я уже включил мотор, когда Сомс открыл дверцу и просунул голову внутрь. Говорил он негромко, но очень злобно:

– Я сообщу его милости о том, что произошло. И мистеру Фарнону тоже. Пусть знает, какого помощника он посадил себе на шею. И запомните вот что: вскрытие завтра покажет, что вы все наврали, и я подам на вас в суд.

Он яростно захлопнул дверцу и отвернулся.

Дома я решил не ложиться, а подождать возвращения Фарнона. Я тщетно пытался перебороть ощущение, что погубил свою профессиональную карьеру еще до того, как она началась. Но, перебирая в уме все события вечера, я не видел, как мог бы поступить иначе. Вновь я возвращался к ним и вновь убеждался, что иного выхода не было.

Фарнон вернулся во втором часу. Вечер, проведенный у матери, явно привел его в превосходное настроение. Его лицо пылало румянцем, и от него приятно пахло джином. К моему удивлению, одет он был в корректнейший вечерний костюм, и хотя смокинг несколько старомодного покроя висел на его худощавой фигуре словно на вешалке, все же он умудрялся выглядеть как посол на официальном приеме.

Он молча выслушал мой рассказ о случившемся и уже собирался что-то сказать, как вдруг зазвонил телефон.

– Ночной вызов! – шепнул он, а потом произнес совсем другим тоном: – А, это вы, мистер Сомс! – Кивнув мне, он устроился в кресле поудобнее и долгое время ронял лишь «да», «нет» и «ах так!». А затем решительно выпрямился и заговорил сам: – Благодарю вас, мистер Сомс, что вы мне позвонили. Насколько я могу судить, мистер Хэрриот сделал именно то, чего требовали обстоятельства. Нет, я абсолютно не согласен. Оставить его мучиться было бы неоправданной жестокостью. Одна из наших обязанностей – предотвращать страдания. Мне очень жаль, что вы так на это смотрите, но я считаю мистера Хэрриота во всех отношениях компетентным ветеринарным врачом. И будь я там, то, конечно, поступил бы точно так же. Спокойной ночи, мистер Сомс. Я приеду утром.

У меня настолько полегчало на душе, что я чуть было не разразился благодарственной речью, но в конце концов ограничился простым «спасибо».

Фарнон открыл стеклянную дверцу шкафчика над каминной полкой, извлек бутылку виски, плеснул немного в стопку и пододвинул ее мне. Налив себе столько же, он опустил в кресло, отхлебнул глоток, несколько секунд смотрел на янтарную жидкость, а потом с улыбкой повернулся ко мне:

– Ну, для начала вы действительно нырнули в самую глубину, дорогой мой. Первый самостоятельный вызов. Да притом к Сомсу!

– Вы его близко знаете?

– Ну, о нем я знаю все, что требуется. Скверный человек и любого способен вывести из себя. Поверьте, среди моих друзей он не числится. Если верить слухам, он вообще нечист на руку. Говорят, он уже давно потихоньку обкрадывает своего лорда. Но сколько веревочке ни виться...

Неразбавленное виски огненной струйкой обожгло мне глотку, и я почувствовал, что мое уныние проходит.

– Конечно, лучше бы поменьше вечеров вроде сегодняшнего, но, вероятно, в ветеринарной практике они выпадают не так уж часто?

– Пожалуй, – ответил Фарнон. – Тем не менее никогда заранее не знаешь, какой сюрприз тебе готовится. У нас с вами, знаете ли, профессия очень своеобразная. И предлагает огромный выбор возможностей попасть в дурацкое положение.

– Но мне кажется, многое зависит от знаний и умений.

– До определенной степени. Конечно, хорошему специалисту в этом отношении полегче, но даже заведомого гения все время подстерегают всякие нелепые и унижительные случайности. Я как-то пригласил сюда именитого знатока лошадиных болезней, чтобы он сделал не такую уж сложную операцию, а лошадь в самом ее разгаре вдруг перестала дышать. И, глядя, как почтенный врач лихо отплясывает на ребрах своей пациентки, я постиг великую истину: время от времени, причем отнюдь не так уж редко, и я буду выглядеть не менее глупо.

– Ну, значит, мне следует смириться с этим теперь же, – сказал я, рассмеявшись.

– И правильно. Животные непредсказуемы, а значит, и наша с вами жизнь непредсказуема. Она складывается из длинной цепи маленьких побед и непредвиденных катастроф, и надо иметь к ней настоящий вкус или же лучше сменить профессию. Нынче вечером вас допек Сомс, а завтра подвернется кто-нибудь ничуть не лучше. Но одно можно сказать твердо: скучать нам не приходится. Выпейте-ка еще.

Я выпил, и разговор продолжался. Время летело незаметно, и вот уже за стеклянной дверью на сереющем небе вырисовался темный силуэт акации, засвистал первый дрозд, и Фарнон с сожалением вытряхнул из бутылки в стопку последние капли. Он зевнул, подергал свой черный галстук и посмотрел на часы:

– Ого, уже пять! Кто бы мог подумать? Но я рад, что мы так славно посидели, – надо же было отпраздновать ваш первый самостоятельный выезд. Причем очень нелегкий, верно?

Тристан, брат Зигфрида

За два с половиной часа можно ли выспаться? Тем не менее я решительно встал в половине восьмого, а в восемь, побрившись и приведя себя в полный порядок, уже спустился в столовую.

Но завтракать мне пришлось одному. Миссис Холл невозмутимо поставила передо мной тарелку с омлетом и сообщила, что мистер Фарнон уже уехал вскрывать лошадь лорда Халтона. По-видимому, он предпочел совсем не ложиться.

Я доедал последний поджаренный хлебец, когда в комнату влетел Фарнон. Я уже привык к внезапности его появлений и даже не вздрогнул, когда, рванув дверь, он прямо-таки прыгнул к столу. Лицо его выглядело свежим и бодрым, и он, по-видимому, был в прекрасном расположении духа.

– В кофейнике что-нибудь осталось? Я выпью с вами чашечку. – Он рухнул на жалобно заскрипевший стул. – Ну, можете не волноваться. Вскрытие показало классическую непроходимость кишечника. Несколько петель совсем почернело и вздулось. Я рад, что вы не стали тянуть и сразу избавили беднягу от страданий.

– А моего приятеля Сомса вы видели?

– Ну как же! Он присутствовал на вскрытии и начал было прохаживаться на ваш счет, но я его уговорил. Сказал просто, что ему следовало бы вызвать вас гораздо, гораздо раньше и что лорду Халтону вряд ли будет приятно узнать о том, как мучилась его лошадь. На этом я с ним и расстался.

Будущее сразу представилось мне в несравненно более розовом свете. Я подошел к бюро и достал еженедельник:

– Какие из утренних визитов вы думаете поручить мне?

Фарнон просмотрел вызовы, составил короткий список и протянул мне листок:

– Вот для вас несколько приятных простых случаев, чтобы вы освоились.

Я уже пошел к двери, но он меня окликнул:

– Мне хотелось бы попросить вас об одной услуге. Мой младший брат должен сегодня приехать из Эдинбурга. Он учится там в ветеринарном колледже, а семестр кончился вчера. Добираться он будет, голосуя на шоссе, а когда окажется уже близко, вероятно, позвонит. Так вы не могли бы подъехать забрать его?

– Конечно. С большим удовольствием.

– Кстати, зовут его Тристан.

– Тристан?

– Да. А, я ведь вам не объяснил! Вас, вероятно, и мое несурзное имя ставило в тупик. Это все наш отец. Отъявленный поклонник Вагнера. Главная страсть его жизни. Все время музыка, музыка – и в основном вагнеровская.

– Признаюсь, и я ее люблю.

– Да, но вам, в отличие от нас, не приходилось слушать ее с утра до ночи. А вдобавок получить такое имечко, как Зигфрид. Правда, могло быть и хуже. Вотан, например.

– Или Погнер.

– И то верно. – Зигфрид даже вздрогнул. – Я и забыл про старину Погнера. Пожалуй, мне еще следует радоваться.

Уже вечерело, когда наконец раздался долгожданный звонок. В трубке послышался удивительно знакомый голос:

– Это Тристан Фарнон.

– Знаете, я было принял вас за вашего брата. У вас совершенно одинаковые голоса.

– Это все говорят... – Он засмеялся. – Да-да, я буду вам очень благодарен, если вы меня подвезете. Я нахожусь у кафе «Остролист» на Северном шоссе.

По голосу я ожидал увидеть копию Зигфрида, только помоложе, но сидевший на рюкзаке худенький мальчик был совершенно не похож на старшего брата. Он вскочил, отбросил со лба темную прядь и протянул руку, озарив меня обаятельнейшей улыбкой.

– Много пришлось идти пешком? – спросил я.

– Да немало, но мне полезно поразмяться. Вчера мы немножко чересчур отпраздновали окончание семестра.

Он открыл дверцу и швырнул рюкзак на заднее сиденье. Я включил мотор, а он расположился рядом со мной, словно в роскошном кресле, вытащил пачку сигарет, старательно закурил и блаженно затянулся. Из кармана он достал «Дейли миррор», развернул ее и испустил вздох полного удовлетворения. Только тогда из его ноздрей и рта потянулись струйки дыма.

Я свернул с магистрального шоссе, и шум машин скоро замер в отдалении. Я поглядел на Тристана.

– Вы ведь сдавали экзамены? – спросил я.

– Да. Патологию и паразитологию.

В нарушение своего твердого правила я чуть было не спросил, сдал ли он, но вовремя спохватился. Слишком щекотливая тема. Впрочем, для разговора нашлось немало других. Тристан сообщал свое мнение о каждой газетной статье, а иногда читал вслух отрывки из нее и спрашивал мое мнение. Я все больше ощущал, что далеко уступаю ему в живости ума. Обратный путь показался мне удивительно коротким.

Зигфрида не было дома, и вернулся он под вечер. Он вошел из сада, дружески со мной поздоровался, бросился в кресло и принялся рассказывать об одном из своих четвероногих пациентов, но тут в комнату заглянул Тристан.

Атмосфера сразу изменилась, словно кто-то повернул выключатель. Улыбка Зигфрида стала сардонической, и он смерил брата с головы до ног презрительным взглядом. Буркнув: «Ну здравствуй», он протянул руку и начал водить пальцем по корешкам книг в нише. Это занятие словно полностью его поглотило, но я чувствовал, как с каждой секундой нарастает напряжение. Лицо Тристана претерпело поразительную метаморфозу: оно стало непроницаемым, но в глазах затаилась тревога.

Наконец Зигфрид нашел нужную ему книгу, взял ее с полки и принялся неторопливо перелистывать. Затем, не поднимая головы, он спросил негромко:

– Ну и как экзамены?

Тристан сглотнул и сделал глубокий вдох.

– С паразитологией все в порядке, – ответил он ничего не выражающим голосом.

Зигфрид словно не услышал. Внезапно книга его чрезвычайно заинтересовала. Он сел поудобнее и погрузился в чтение. Потом он захлопнул книгу, поставил ее на место и опять принялся водить пальцем по корешкам. Все так же спиной к брату он спросил тем же мягким голосом:

– Ну а патология как?

Тристан сполз на краешек стула, словно готовясь кинуться вон из комнаты. Он быстро перевел взгляд с брата на книжные полки и обратно.

– Не сдал, – сказал он глухо.

Зигфрид словно не услышал и продолжал терпеливо разыскивать нужную книгу, вытаскивая то одну, то другую, бросая взгляд на титул и водворяя ее обратно. Потом он оставил поиски, откинулся на спинку кресла, опустив руки почти до пола, посмотрел на Тристана и сказал, словно поддерживая светскую беседу:

– Значит, ты провалил патологию.

Я вдруг заметил, что бормочу почти истерически:

– Ну это же совсем не плохо. Будущий год у него последний, он сдаст патологию перед рождественскими каникулами и совсем не потеряет времени. А предмет этот очень сложен...

Зигфрид обратил на меня ледяной взгляд.

– А, так вы считаете, что это совсем не плохо? – Наступила долгая томительная пауза, и вдруг он буквально с воплем набросился на брата: – Ну а я этого не считаю! По-моему, хуже некуда! Черт знает что! Чем ты занимался весь семестр? Пил, гонялся за юбками, швырял мои деньги направо и налево, но только не работал! И вот теперь у тебя хватает нахальства являться сюда и сообщать, что ты провалил патологию. Ты лентяй и бездельник, и в этом все дело. В том, что ты палец о палец ударить не желаешь!

Его просто нельзя было узнать: лицо налилось кровью, глаза горели. Он снова принялся кричать:

– Но с меня хватит! Видеть тебя не могу! Я не собираюсь надрываться, чтобы ты мог валять дурака. Хватит! Ты уволен, слышишь? Раз и навсегда. А потому убирайся вон! Чтоб я тебя здесь больше не видел. Убирайся!

Тристан, который все это время сохранял вид оскорбленного достоинства, гордо вышел из комнаты.

Изнемогая от смущения, я покосился на Зигфрида. Лицо у него пошло пятнами, и он, что-то бормоча себе под нос, барабанил пальцами по подлокотнику своего кресла.

Разрыв между братьями привел меня в ужас, и я почувствовал огромное облегчение, когда Зигфрид послал меня по вызову и у меня появился повод уйти.

Я вернулся уже совсем в темноте и свернул в проулок, чтобы поставить машину в гараж во дворе за садом. Скрип дверей всполошил грачей на вязах. С темных верхушек донеслось хлопанье крыльев и карканье. Потом все стихло. Я продолжал стоять и прислушиваться, как вдруг заметил у калитки сада темную фигуру. Фигура повернулась ко мне, и я узнал Тристана.

Меня вновь охватило невыразимое смущение. Беднягу одолевают горькие мысли, а я непрошено вторгаюсь в его одиночество.

– Мне очень жаль, что все так получилось, – пробормотал я неловко.

Кончик сигареты ярко зарделся, – по-видимому, Тристан сделал глубокую затяжку.

– А, все в порядке. Могло быть куда хуже.

– Хуже? Но ведь и так все достаточно скверно. Что вы думаете делать?

– Делать? О чем вы?

– Ну... Ведь он вас выгнал. Где вы будете ночевать?

– Да вы же ничего не поняли, – сказал Тристан, вынимая сигарету изо рта, и я увидел, как блеснули в улыбке белые зубы. – Не принимайте все так близко к сердцу. Ночевать я буду здесь, а утром спущусь к завтраку.

– Но ваш брат?

– Зигфрид? Он к тому времени все позабудет.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Он меня то и дело выгоняет и тут же забывает об этом. И все сошло отлично. Собственно, трудность была только с паразитологией.

Я уставился на темный силуэт передо мной. Снова вверху захлопали крылья грачей, и снова все стихло.

– С паразитологией?

– Если помните, я же сказал только, что с ней все в порядке. Но не уточнял.

– Так, значит...

Тристан тихонько засмеялся и похлопал меня по плечу:

– Вот именно. Паразитологию я тоже не сдал. Провалил оба экзамена. Но будьте спокойны, к Рождеству я сдам и то и другое.

Я не жалуюсь

Я плотнее закутался в одеяло, укрываясь от пронзительных телефонных трелей, будивших эхо в старинном доме.

После возвращения Тристана из колледжа миновало три недели, и жизнь в Скелдейл-хаусе вошла в более или менее постоянную колею. Обычно день начинался с телефонных трелей между семьей и восемью часами – время, когда фермеры навещали утром свою скотину.

В доме был лишь один телефонный аппарат, и стоял он на полке в выложенном плиткой нижнем коридоре. Зигфрид строго-настрого запретил мне вскакивать с постели на ранние телефонные звонки. Обязанность эта возлагалась на Тристана. «Ответственное поручение пойдет ему на пользу», – подчеркнул Зигфрид категоричным тоном.

И вот я внимаю дребезжанию телефона. Оно продолжается, продолжается и словно бы становится громче. Из комнаты Тристана не доносится ни звука, ни шороха, и я ждал следующего акта ежедневной драмы. О нем возвестил оглушительный удар двери, затем на площадку выскочил Зигфрид и кинулся вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

Затем – долгая тишина, и я представлял себе, как он трясется на ледяном сквозняке, как мерзнут его босые ноги на кафельных плитках, пока фермер неторопливо описывает симптомы приболевшей скотины. Затем трубка звякает о рычаг, бешеный топот ног вверх по ступенькам – Зигфрид устремляется к комнате брата.

Пронзительный скрип распахиваемой двери и яростный крик. Я улавливаю в нем злорадство. Значит, Тристан застукан в постели – бесспорная победа Зигфрида, а победы достаются ему редко. Обычно Тристан использует свое умение одеваться в мгновение ока и встречает Зигфрида при полном параде. Если он кончает завязывать галстук, а Зигфрид еще в пижаме, это обеспечивает ему заметное психологическое преимущество.

Но нынче утром Тристан слишком понадеялся на удачу: урывая еще лишние секунды сна, он задержался в кровати, где и был застигнут. До меня доносились крики:

– Почему ты не ответил на чертов звонок, как я тебе велел?! И не говори мне, что ты не только ленив, но и глух вдобавок! А ну, вылезай из-под одеяла! Ну же, ну!

Однако я знал, что Тристан быстро возьмет свое. Когда его застигали в кровати, он обычно выигрывал несколько очков, успевая расправиться с половиной завтрака, когда его брат еще только садился за стол.

Попозже я увидел, как перекосилось лицо Зигфрида, едва он вошел в столовую и увидел, что Тристан беззаботно дожевывает кусок жареного хлеба, прислонив свою «Дейли мэррор» к кофейнику, – казалось, у Зигфрида внезапно разболелся зуб.

В результате атмосфера была несколько напряженной, и я с радостью ускользнул собираться: пора было ехать по вызовам. Узким коридором с таким знакомым и все равно волнующим запахом эфира и карболки и дальше через обнесенный стеной сад во двор, где стояли автомобили. Одно и то же каждое утро, но для меня всегда исполненное изумления. Я вышел навстречу солнечным лучам и аромату цветов словно бы впервые. Свежий воздух таил намек на благоухание вересковых пустошей. После пяти лет в тисках города было трудно воспринимать все это одновременно.

И я никогда не торопил эти минуты. Даже когда вызов был срочным, я не ускорял шага в проходе между плющом стены и длинной пристройкой к дому, где плети глицинии подбирались к крыше, а ее веточки и увядшие цветы заглядывали в каждую комнату. Затем мимо альпийской горки на широкий газон, пусть запущенный, но придающий прохладу и мягкость старой кирпичной кладке. По его краям в неупорядоченном изобилии буйствовали краски цветов, ведущих бой с джунглями бурьяна.

И дальше в розарий, затем к грядке со спаржей, толстые побеги которой уже превратились в высокие игольчатые листья. И дальше к клубнике и малине. И повсюду плодовые деревья. Их ветви низко нависают над дорожкой. У южной стены – шпалеры персиковых деревьев, грушевых, вишневых и сливовых, отвоевывающих место у вьющихся одичавших роз.

Пчелы жужжали над цветами, песенки дроздов соперничали с карканьем грачей на высоких вязах.

Я жил полной жизнью. Столько надо было узнать, столько доказать самому себе! Дни проносились молниеносно, ставя задачу за задачей, и самая их новизна была вызовом мне. Но не здесь, не в саду. Тут все словно бы замерло давным-давно. Я оглянулся, прежде чем выйти через калитку во двор. И словно увидел иллюстрацию в старинной книге: безлюдный одичалый сад и высокий безмолвный дом за ним. Мне просто не верилось, что я вижу их наяву, что я – часть их.

И чувство это только усиливалось, когда я выходил во двор, квадратный, мощный булыжником, где между камнями густыми пучками росла трава. Две его стороны образовывали службы – два гаража, в прошлом каретные сараи, конюшня с шорнижкой, отдельные стойла и хлев. У свободной стены заржавевшая ручка насоса торчала над каменной колодой, из которой когда-то пили лошади.

Над конюшней – сеновал и голубятня над одним из гаражей. А еще – старик Бордман. Он тоже казался наследием дней былого величия, когда, припадая на раненую ногу, хлопотливо расхаживал по двору, ничем, собственно, не занимаясь.

Он ворчливо пожелал мне доброго утра из своей каморки, где держал кое-какие инструменты, в том числе садовые. Со стены над его головой смотрели памятки последней войны – ряд цветных литографированных карикатур Брюса Бэрнсфадера. Он приклеил их там, когда вернулся домой в 1918 году, и теперь, пропыленные, скручивающиеся по краям, они все еще говорили ему о кайзере Вилли, и о воронках от снарядов, и о жидкой глине окопов.

Бордман порой мыл машину или немножко возился в саду, но удовлетворялся, заработав фунт-другой, и возвращался к себе во двор. Много времени он проводил в шорнижке – просто сидел там сложа руки. А иногда обводил взглядом крючья, на которых когда-то висела сбруя, и потирал сжатым кулаком по ладони.

Он часто заговаривал со мной о днях былого величия.

– Ну, прямо вижу, как доктор стоит на крыльце и ждет, чтобы ему подали экипаж. Он был такой высокий, видный. И всегда в цилиндре и сюртуке. Я тогда парнишкой был, но все равно как сейчас помню: стоит он, перчатки натянет, цилиндр поправит и ждет.

Лицо Бордмана смягчалось, в глазах появлялся свет, будто он говорил больше сам с собой, чем со мной.

– И старый дом, он тогда совсем другим был. Экономка, шесть человек прислуги и все как положено. И еще садовник. В те деньки ни травинки в неположенном месте, а цветы аккуратными такими рядами, и деревья все обрезаны, как полагается. А уж двор! Самое любимое было место старого доктора. Придет, заглянет в эту самую дверь, смотрит, как я сбрую начинаю, и поздоровается по-простому. Настоящий был джентльмен. Но все по его должно было быть. Пылилку где-нибудь тут углядит и рассердится, дальше некуда. Ну да война со всем этим покончила. Теперь все куда-то торопятся. Не заботятся ни о чем. Времени не хватает. Ну, не хватает, и все тут.

Он недоуменно оглядывал траву между булыжниками, лупящиеся краской двери гаражей, криво свисающие с петель. Пустую конюшню, насос, который уже никакой воды не качал. Со мной он держался неизменно по-дружески, но словно бы не особенно меня замечал. Однако с Зигфридом будто возвращался в прошлое: подтягивался, говорил «Слушаю, сэр!» и прикладывал палец ко лбу, отдавая честь. Казалось, он что-то узнавал – силу и власть «старого доктора» – и радостно возвращался в былые дни.

– Доброе утро, Бордман, – сказал я, открывая дверь гаража. – Как вы сегодня себя чувствуете?

– Так-сяк, малый, так-сяк.

Он прохромал через двор и смотрел, как я достаю заводную ручку и приступаю к следующему шагу в ежедневном распорядке. Выделен мне был крохотный «остин» года, которому позавидовал бы марочный портвейн, и Бордман добровольно взял на себя обязанность буксировать его, если мотор не заводился добром. Но в это утро, к моему изумлению, мотор чихнул и заработал после шестого поворота ручки.

Выезжая из проулка на улицу, я, по обыкновению, чувствовал, что вот теперь-то все начинается по-настоящему. Впереди меня ждали мои профессиональные проблемы и трудности, а в те дни мне их хватало с избытком.

Мне представлялось, что я начал свою практику в самый неподходящий момент. Фермеры, добрую половину жизни терпевшие пренебрежение и некомпетентность, обрели долгожданного пророка, замечательного нового ветеринара мистера Фарнона. Он явился, как комета, блистая хвостом совершенно новых идей и понятий. Талантливый, энергичный, обаятельный, он покорила их, точно сказочный принц скромную девушку. И теперь в самый разгар их медового месяца между ними втираюсь я, а третий, как известно, всегда лишний.

Я уже свыкся с вопросами вроде: «А где мистер Фарнон?», «Он заболел или что?», «Я-то мистера Фарнона ждал!». Мне становилось не по себе при виде, как вытягивались их лица, когда во двор фермы входил я. Обычно они с надеждой смотрели через мое плечо, а некоторые даже подходили к машине и заглядывали внутрь – вдруг там прячется тот, кого они ждали?

И очень трудно осматривать животное, когда у тебя за спиной его владелец изнывает, от всей души желая, чтобы на моем месте был другой.

Но должен признать, что вели они себя по-честному. Мне не оказывали сердечного приема, а когда я объяснял, что, по-моему, неладно с моим пациентом, они выслушивали меня с откровенным скептицизмом, но я убедился, что стоило мне снять пиджак и с увлечением взяться за работу, как они немного оттаивали. И они были радушны. Как ни разочаровывало их мое появление, они приглашали меня войти в дом.

«Зайдите-ка, пообедайте с нами», – было приглашение, которое я слышал чуть ли не каждый день. Иногда я был очень рад его принять, и некоторые эти обеды я лелею в памяти.

И еще они часто, когда я собирался уезжать, клали на сиденье полдюжины яиц или фунт мяса. Такое гостеприимство было традиционным в йоркширских холмах, и я знал, что точно так же они обошлись бы с любым гостем, но это указывало на дружелюбность, скрытую под неувлечивой их суровостью, и очень меня поддерживало.

Я все лучше узнавал фермеров, и то, что я узнавал, очень мне нравилось. Им были свойственны закаленность и философское отношение к жизни, совсем для меня новое. Когда случались несчастья, от которых городской житель готов был бы биться головой о стенку, они только пожимали плечами, говоря: «Ну что же, и не такое случается!»

Этот день обещал быть жарким, как и предыдущие, а потому я опустил стекла в дверцах машины как мог ниже. Мне предстояла проверка на туберкулез. Общенациональная система проникла и в холмы: наиболее прогрессивные фермеры просили о проведении профилактических проверок.

А стадо было не из обычных. Галловейский скот мистера Копфилда славился в округе, и не только там. Зигфрид подробно рассказал мне про это стадо: «Труднее их не найти. Восемьдесят пять их – и ни единая никогда в стойле не содержалась и не привязывалась. Собственно говоря, к ним никто руками почти не прикасался. Живут в холмах, телятся и выкармливают телят там же. Их редко кто-нибудь навещает. И практически это дикий скот».

«А что же вы делаете, если они болевают?» – спросил я.

«Ну, тут приходится полагаться на Фрэнка с Джорджем. Это сыновья Копфилда. Они, можно сказать, росли с этими коровами. Начали ловить телят, едва ходить научились, а потом перешли на взрослый скот. Почти не уступают галловейм ни в силе, ни в крепости».

Ферма Копфилда находилась в негостеприимных местах. Глядя через скудные пастбища на лысые верхние склоны с темными мазками вереска, было нетрудно понять, почему фермер остановил свой выбор на породе более выносливой, чем местные шортгорны. Но в это утро угрюмые абрисы смягчал солнечный свет, и в бесконечности сочетания зелени и бурости скрывался покой пустыни.

Фрэнк с Джорджем оказались совсем не такими, как я ожидал. Закаленные работники, помогавшие мне на вызовах, были чаще смуглыми, худыми, жилистыми, а братья Копфилд были белокурыми, с гладкой, почти нежной кожей. Красавцы, примерно мои ровесники, с головами, которые казались маленькими, потому что плечи были такими широкими, а шеи такими могучими. Не особенно высокие, они выглядели весьма внушительно: по плечи засученные рукава открывали борцовские мышцы, а гетры плотно облегали мощные ноги. Оба были в деревянных башмаках.

Скот загнали в коровники, где только-только хватило места. Примерно двадцать пять коров стояли в длинном проходе. Я увидел неровную линию голов над жердями, пар, поднимающийся со спин и боков. Еще двадцать заняли старую конюшню, остальные прохаживались в двух загонах.

Я поглядел на черных полудиких животных, а они глядели на меня. Их налитые кровью глаза поблескивали за падающей на морду густой челкой. И все раздраженно хлестали хвостами по бокам.

Сделать каждой инъекцию точно в толщу кожи будет ох как непросто! Я обернулся к Фрэнку.

– А вы сможете удерживать этих чертовок на месте? – спросил я.

– Уж как-нибудь, черт дери, – ответил он невозмутимо, перебрасывая через плечо аркан.

Он и брат закурили сигареты и перелезли через жерди в проход, где стояли самые крупные животные. Я последовал за ними и вскоре убедился, что в историях, которых я слышался о галловеймах, не было ни капли преувеличений. Если я приближался спереди, огромная косматая голова угрожающе наклонялась, а если я пытался подойти сзади, они меня лягали, словно походя.

А вот братья меня поразили. Один набрасывал аркан, засовывал пальцы в ноздри животного, и оно молниеносно бросалось в сторону. Человека они мотали, будто тряпичную куклу, но братья не расслабляли хватки. Их светловолосые головы возникали над черными спинами и вновь нелепо исчезали; больше всего меня поражало, что на протяжении этих битв они продолжали попыхивать сигаретами.

Жара все росла; вскоре скотный двор превратился в настоящее пекло, и коровы, содержаемое кишечника которых было жидковатым, поскольку питались они исключительно травой, то и дело задирали хвосты и выбрасывали гейзеры зеленовато-бурой жижи.

Процедура эта носила характер игры, и на того брата, который действовал в данный момент, сыпались подбадрывающие возгласы: «Фрэнк, держи его крепче!», «Голову ему пригни, Джордж!». В наиболее трудные моменты братья ругались мягко и без злости: «А ну, слазь с моей ноги, стервозина!» Оба опустили руки и одобрительно захохотали, когда корова хлестнула меня по физиономии вонючим и мокрым хвостом. Не менее их позабавило, когда, пятясь от аркана, бычок врезался мне костлявым задом в живот, а я как раз наполнял шприц, поднося обе руки над головой. Я только успел крикнуть, как бычок решил повернуться в тесном проходе и чуть не размазал меня по жердям, точно муху. Глаза у меня вылезли на лоб, и я не мог понять, трещат ли жерди у меня за спиной или мои ребра.

На закуску мы оставили юных телят, а они оказались наиболее трудными. Мохнатые малыши брыкались, били задом, взвивались в воздух, отдавливали нам ноги и даже налетали на стены. Братья часто попросту ложились им на спину и так валили на пол, чтобы я мог сделать инъекцию, а почувствовав укол, телята высовывали языки, оглушительно мычали, и тут же доносился ответный рев встревоженных мамаш снаружи.

Было далеко за полдень, когда я, шатаясь, покинул скотный двор. Мне казалось, что я пробыл там по крайней мере месяц – в жаркой духоте, оглушительном шуме среди фонтанирующей навозной жижи.

Фрэнк и Джордж притащили ведро с водой, щетку и более или менее отчистили меня перед отъездом. В миле от их фермы я свернул на неогороженный проселок, выбрался из машины и рухнул на прохладный дерн склона. Широко раскинув руки, я вжался плечами под мокрой от пота рубашкой в жесткую траву и подставил себя душистому ветерку. Я шурился от солнца и смотрел на голубое небо, затянутое легкой дымкой.

Ребра у меня ныли, болели синяки на ногах, оставленные десятком острых копыт. И нельзя сказать, что от меня пахло розами. Я окончательно закрыл глаза и ухмыльнулся нелепой мысли: ведь каких-то полчаса назад я там занимался диагностикой возможного туберкулеза! Станный способ проведения научного исследования! И раз уж на то пошло, странный способ зарабатывать хлеб насущный!

Но ведь я бы мог сейчас сидеть в кабинете с окнами, закупоренными от выхлопных газов и уличного шума, а настольная лампа озаряла бы столбцы цифр, и на стене висел бы мой благопристойный котелок...

Я лениво открыл глаза и стал следить, как тень облака скользит по склонам по ту сторону зеленой долины. Нет-нет... Я не жалею о своей судьбе, вовсе нет!

Лучшее средство вразумления

Неделю за неделей я трясся по проселкам в старенькой машине, совершая ежедневные объезды. Время летело незаметно, я уже хорошо узнал округу, люди обретали индивидуальные черты. Почти каждый день мне приходилось стоять у обочины, меняя проколотую шину. Все четыре покрышки были сношены до корда, и меня каждый раз удивляло, что я вообще хоть куда-то на них добираюсь.

Но машина могла похвастать и одним особым удобством – заржавелой сдвижной крышей. Она отвратительно скрипела, когда ее закрывали, но обычно я держал верх и окна открытыми, наслаждаясь душистым воздухом, который волнами накатывался на меня. В дождливые дни закрывать крышу не имело смысла – капли просачивались в местах соединений и растекались озерцами на моих коленях и на свободных сиденьях.

Я научился лихо объезжать лужи. Ехать напрямик не рекомендовалось: мутная вода фонтанчиками била сквозь дырки в полу.

Но лето стояло солнечное, и от долгих часов под открытым небом я загорел не хуже любого фермера. Даже заклеивать очередной прокол где-нибудь на пустынном проселке высоко над долиной было почти удовольствием: по соседству кружили кроншнепы, а ветер приносил снизу ароматы цветов и листвы. Впрочем, всегда нетрудно было найти предлог, чтобы вылезти из машины, раскинуться на упругой траве и утонуть взглядом в воздушных просторах над Йоркширом. Это были минутные передышки в стремительном течении жизни. Передышки, чтобы взглянуть на нее со стороны и оценить свои успехи. Все это было настолько не похоже на то, к чему я привык, что я даже растерялся. Деревенская глушь после юности, промелькнувшей в суматохе большого города, свобода, сменившая необходимость заниматься и сдавать экзамены, работа, которая ежедневно ставила передо мной неожиданные и интересные задачи. Не говоря уж о моем патроне.

Зигфрид Фарнон неустомимо объезжал клиентов с утра до ночи, и я часто недоумевал, что его к этому понуждает. Уж, во всяком случае, не любовь к деньгам, к которым он относился с полным пренебрежением. После оплаты счетов наличные засовывались в пинтовую кружку на каминной полке, и, когда они ему требовались, он вытаскивал их оттуда не глядя. Ни разу я не видел, чтобы он воспользовался кошельком, но карманы у него вздувались от множества монет и смятых банкнот. Когда он доставал термометр, они взметывались снежным вихрем.

После недели-двух круглосуточной работы он вдруг исчезал – иногда на вечер, иногда на всю ночь, и часто без предупреждения. Миссис Холл накрывала стол на двоих, но, заметив, что я сижу за ним в одиночестве, молча убирала второй прибор.

Каждое утро он составлял список визитов с такой быстротой, что я нередко отправлялся не на ту ферму или получал не те инструкции. Когда вечером я рассказывал ему об этих недоразумениях, он принимался от души хохотать.

Но однажды он попался сам. Некий мистер Хитон из Бронсета позвонил и попросил приехать к нему, чтобы вскрыть сдохшую овцу.

– Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной, Джеймс, – сказал Зигфрид. – Утро у нас сегодня выдалось спокойное, а если не ошибаюсь, вас обучили очень любопытным методам вскрытия. Вот мне и хотелось бы их посмотреть.

Мы въехали в деревушку Бронсет, и Зигфрид свернул влево на перегороженный воротами проселок.

– Куда мы едем? – спросил я. – Ферма Хитона в том конце.

– Но вы же сказали: Ситон.

– Да нет же, уверяю вас...

– Послушайте, Джеймс, я стоял рядом с вами, когда вы разговаривали с ним, и ясно слышал, как вы его называли.

Я попытался возразить, но машина уже катила по проселку, а подбородок Зигфрида был упрямо выставлен вперед. Ну пусть сам убедится.

Завизжав тормозами, мы остановились перед домом фермера. Машина еще не замерла окончательно, а Зигфрид уже выскочил и рылся в багажнике.

– Черт! – возопил он. – Нож для вскрытий куда-то заделался. Ну да ничего, возьму что-нибудь в доме.

Захлопнув крышку багажника, он ринулся к двери.

На стук вышла жена фермера, и Зигфрид озарил ее улыбкой.

– Доброе утро, доброе утро, миссис Ситон. У вас есть нож для разрезания жаркого?

Почтенная женщина с недоумением подняла брови:

– Что-что?

– Мне нужен нож для разрезания жаркого, миссис Ситон. И пожалуйста, поострее.

– Вам нужен нож для разрезания жаркого?

– Да-да, совершенно верно! – воскликнул Зигфрид, чей скудный запас терпения быстро истощался. – И если вас не затруднит, то побыстрее. У меня мало времени.

Фермерша в полной растерянности вернулась на кухню, и оттуда донесся ее взволнованный шепот. В окнах стали возникать головки детей, с любопытством разглядывавших Зигфрида, который раздраженно переминался с ноги на ногу. Наконец из двери вышла одна из дочек и робко протянула ему длинный, страшноватого вида нож. Зигфрид схватил его и провел большим пальцем по лезвию.

– Никуда не годится! – сердито крикнул он. – Разве вы не поняли, что мне нужен настоящий острый нож? Принесите мне точильный брусок.

Девочка кинулась на кухню, и там послышались взволнованные голоса. Прошло несколько минут, прежде чем из двери буквально вытолкнули другую девочку. Она бочком приблизилась к Зигфриду на расстояние вытянутой руки, сунула ему брусок и тут же кинулась назад к двери.

Зигфрид гордился своим умением заточивать ножи и делал это с наслаждением. Водя лезвием по бруску, он так увлекся, что даже запел. Из кухни не доносилось ни звука, и тишину нарушали только скрежет стали о брусок и немзыкальное пение. Внезапно наступала пауза – это Зигфрид пробовал лезвие, а потом скрежет и пение возобновлялись. Наконец, удовлетворенный результатом очередной пробы, он заглянул в дверь и громко крикнул:

– Где ваш муж?

Ответом было молчание, и он широкими шагами направился в кухню, помахивая сверкающим ножом. Я пошел за ним и увидел, что миссис Ситон и девочки забились в дальний угол и смотрят на него широко открытыми, испуганными глазами.

– Ну, я могу начать, – заявил он, махнув ножом в их сторону.

– Что начать? – прошептала фермерша, прижимая к себе дочек.

– Вскрытие овцы. У вас ведь сдохла овца?

Недоразумение выяснилось, и последовали извинения.

А позже Зигфрид сделал мне выговор за то, что я направил его не на ту ферму.

– Впредь будьте повнимательнее, Джеймс, – сказал он с грустной серьезностью. – Подобные промахи производят весьма неблагоприятное впечатление. Весьма.

Тут надо сказать, что в те дни меня интересовали регулярные визиты к нам в дом женщин. Все они принадлежали к высшему обществу, по большей части были красивы, и их объединяла одна черта – страсть. Они заходили на бокал вина, на чашку чая, на обед, но было

заметно, что больше всего они хотят взглянуть на Зигфрида, – так опаленные солнцем путники смотрят на оазис в пустыне.

Мое эго оскорблялось, когда их глаза равнодушно скользили по мне, не выказывая никакого интереса, но зато жадно впивались в моего коллегу. Я не ревновал, но был озадачен. Какое-то время я исподтишка изучал его, пытаюсь проникнуть в секрет его притягательности. Я вглядывался в поношенный пиджак, висевший на узких плечах, на обтрепанные воротнички, невнятный галстук, и мне пришлось прийти к заключению, что одежда тут ни при чем.

Было что-то привлекательное в узком, худом лице и смешливых серых глазах, но по большей части он был настолько хмур, а его щеки так ввалились, что мне казалось, он заболел.

Я часто замечал в этой чередё Диану Бромптон, и в такие моменты мне хотелось нырнуть под диван. Ее нельзя было не счесть вульгарной красоткой, когда она поедала глазами Зигфрида, жадно ловила его слова, хихикая, как школьница.

Я холодел от мысли, что Зигфрид может остановить на ней свой выбор и жениться. Меня это сильно беспокоило, поскольку я понимал, что в таком случае мне придется уехать, а я как раз начинал получать удовольствие от жизни в Дарроуби.

Но Зигфрид не выказывал никаких matrimониальных намерений ни в чей адрес, и я в итоге привык к этим ритуалам и перестал беспокоиться.

Я также привык к его умению менять мнение на противоположное. Помнится, было утро, когда Зигфрид спустился к завтраку, устало протирая покрасневшие глаза.

– Меня подняли с постели в четыре утра! – простонал он, вяло намазывая маслом ломтик поджаренного хлеба. – И хотя мне неприятно это говорить, Джеймс, но только по вашей вине.

– Как по моей? – повторил я растерянно.

– Да, мой дорогой, по вашей. Та самая корова с легкой тимпанией рубца. Фермер сам пользовал ее бог знает сколько времени. Сегодня пинта льняного масла, завтра сода с имбирем, а затем в четыре часа утра он решает, что настало время обратиться к ветеринару. Когда же я указал, что можно было бы спокойно подождать несколько часов, он заявил, что мистер Хэрриот велел ему звонить не стесняясь: он, дескать, приедет в любое время, днем или ночью. – Зигфрид постучал по крутому яйцу так, словно разбить скорлупу было ему не по силам. – Ну разумеется, добросовестность и усердие – прекрасные вещи, но если можно было тянуть несколько дней, так уж можно подождать до утра. Вы их балуете, Джеймс, а расхлебывать должен я. Мне надоело, что меня поднимают с постели по пустякам.

– Искренне сожалею, Зигфрид. Я же ничего подобного не хотел. Наверное, виной моя неопытность. Но если бы я не поехал на вызов, меня замучили бы опасения, что животное погибнет. А отложи я до утра, она сдохнет – как бы я тогда себя чувствовал?

– Ну и пусть, – огрызнулся Зигфрид. – Дохлая скотина – лучшее средство образумить их. В следующий раз нас вызовут сразу, только и всего.

Я запомнил этот совет и попробовал ему следовать. Неделью спустя Зигфрид сказал, что ему надо серьезно со мной поговорить.

– Джеймс, я знаю, вы не обидитесь. Но старик Самнер сегодня жаловался мне, что вчера ночью позвонил вам, а вы отказались поехать к его корове. Вы знаете, он хороший клиент и отличный человек, но он был возмущен. А нам не хотелось бы его потерять, правда?

– Но ведь это же просто хронический мастит, – сказал я. – Молоко чуть хуже свертывается, только и всего. А он ее почти неделю пичкал каким-то шарлатанским снадобьем. Ела корова прекрасно, и я подумал, что можно без всяких опасений подождать до утра.

Зигфрид отечески положил мне руку на плечо, и лицо его приняло бесконечно терпеливое выражение. Я стиснул зубы. К его взрывам нетерпения я давно привык, и они меня нисколько не раздражали, но сносить его терпеливую снисходительность было куда труднее.

– Джеймс, – сказал он мягким голосом, – в нашей профессии есть одно главное правило, перед которым все остальное отступает на задний план, и я скажу вам какое. Быть всегда наготове. Вам надо запечатлеть его в своей душе огненными буквами. – Он назидательно поднял палец. – Быть всегда наготове. Не забывайте этого, Джеймс, ни на секунду. Каковы бы ни были обстоятельства, в дождь и в жару, ночью и днем, если клиент вас вызывает, вы обязаны ехать к нему, и ехать охотно. Вот вы говорите, что причина не показалась вам срочной. Но ведь, в конце-то концов, вы полагались только на слова владельца, а он некомпетентен решать, насколько это срочный случай. Нет, дорогой мой, вы обязаны ехать. Пусть они сами пользовались животное, но ему могло вдруг стать хуже. И не забывайте, – он торжественно погрозил пальцем, – животное могло сдохнуть!

– Но, по-моему, вы говорили, что дохлая скотина – лучшее средство их образумить? – связвил я.

– Что-что? – спросил Зигфрид в полном изумлении. – Впервые слышу подобную чушь. Но довольно об этом. Просто впредь не забывайте: надо всегда быть наготове.

Иногда он учил меня жизни. Например, тогда, когда застал меня наклонившимся над телефонным аппаратом, который я только что разбил об пол. Я стоял, вперив взор в стену, и ругался про себя.

Зигфрид криво улыбнулся:

– Что случилось, Джеймс?

– Я только что провел десять минут в бурном разговоре с Ролсоном. Помните тот случай телячьей пневмонии? Я же столько часов возился с его телятами, поил их дорогими лекарствами. Не было ни одного случая падежа. А теперь ему не нравится счет, который мы ему выставили. Ни единого слова благодарности! Воистину, нет правды на земле.

Зигфрид подошел и положил руку мне на плечо. Он снова напустил на себя вид терпеливого человека.

– Дружище, – сказал он воркующе, – ну посмотрите на себя. Лицо красное, сам весь напряжен до предела. Вам следует попытаться расслабиться. Как вы думаете, почему по всей стране профессионалы оказываются на больничной койке со стенокардией или язвой желудка? Да просто потому, что они доводят себя переживаниями по поводу всякой чепухи, вот как вы сейчас. Да-да, я знаю, как все это раздражает, но вам нужно относиться к этому спокойнее. Спокойнее, Джеймс, спокойнее. Оно того не стоит, я имею в виду, что такое останется неизменным даже через сто лет.

Он прочел мне эту проповедь с безмятежной улыбкой, успокоительно похлопывая меня по плечу, как психиатр, успокаивающий буйного пациента.

Несколько дней спустя я сидел и писал этикетку для банки с вытяжным пластырем, когда Зигфрид влетел в комнату так, как будто им выстрелили из пушки. Похоже, он открыл дверь пинком ноги, потому что, отскочив от резинового упора, она чуть не ударила его по лицу. Он подбежал к столу, за которым я сидел, и начал колотить по нему ладонью. Его глаза дико горели, а лицо налилось краской.

– Я только что от этой чертовой свиньи – Холта! – заорал он.

– Вы имеете в виду Неда Холта?

– Да, именно его, будь он проклят!

Я удивился. Мистер Холт был невысоким мужчиной, исполнявшим должность какого-то дорожного чиновника в управлении графством. В качестве побочного занятия он держал четырех коров, и никто ни разу не видел, как он оплачивает счета ветеринаров, но у него был веселый нрав, и Зигфрид годами помогал ему бесплатно, не высказывая никаких возражений.

– Это же ваш любимчик, не так ли? – сказал я.

– Был! О боже, был! – прорычал Зигфрид. – Я лечил его Мюриэл. Вы знаете, большая рыжая корова, стоит второй с конца в его коровнике. У нее случилось возвратное вздутие

живота – каждый вечер она приходила с раздутым пузом, и я перепробовал все, что можно. Ничего не помогало. И тогда мне пришло в голову, что у нее актинобациллез тонкого кишечника. Я впрыснул ей в вену йодистого натрия и сегодня осмотрел ее: разница была невероятной – она стояла в стойле, жуя свою жвачку, здоровая как бык. Я мысленно похлопал себя по спине за точный диагноз, но как вы думаете, что сказал Холт? Он сказал, что знает, почему ей лучше. Потому что вчера он дал ей с болтушкой из отрубей полфунта английской соли. Вот это ее и вылечило.

Зигфрид вытащил из карманов пустые упаковки и пузырьки от лекарств и злобным жестом бросил их в мусорную корзину. Он снова начал орать:

– Вы понимаете, за последние две недели я не переставал снова и снова думать об этой корове, она мне чуть ли не снилась. И теперь, когда я нашел причину неприятностей, применил самое современное лечение, животное выздоровело. И что? Владелец выражает свою благодарность ветеринару за его мастерство? Какого черта – все заслуги приписываются полуфунту английской соли. Оказывается, я тратил время впустую.

Он еще раз с силой ударил по столу.

– Но я напугал его, Джеймс, – сказал он, и глаза его загорелись. – Клянусь Богом, я напугал его. Когда он понес этот бред про соль, я заорал на него: «Ты – идиот!» – и хотел его схватить. Думаю, я задушил бы его, но он спрятался в доме и заперся. Больше я его не видел.

Зигфрид упал в кресло и взъерошил волосы.

– Английская соль, – зарычал он, – боже, какая безнадега!

Я подумал о том, чтобы напомнить ему, как он учил меня расслабляться и говорил, что такое не кончится и через сто лет, но у моего нанимателя в руке была бутылка из-под сыворотки, так что я оставил эту мысль.

Настал день, когда Зигфрид решил перебрать двигатель моей машины. Она потребляла свой обычный литр масла в день, и ему не казалось, что это слишком много, но, когда это количество удвоилось, он решил, что надо что-то делать. Возможно, свою роль сыграли слова одного фермера на ярмарке, сказавшего, что он всегда знает, когда к нему едет молодой ветеринар, потому что издали видит клубы дыма.

Когда маленький «остин» вернулся из гаража, Зигфрид засуетился вокруг него, как старая курица.

– Подойдите сюда, Джеймс, – позвал он меня, – мне надо с вами поговорить. Джеймс, – сказал он, расхаживая вокруг автомобиля и смахивая пылинки с краски, – вы видите эту машину?

Я кивнул.

– Видите ли, ее только что перебрали, Джеймс, и это стоило немалых денег, поэтому я и хочу переговорить с вами. То, что теперь вам принадлежит, равняется новой автомашине. – Он с усилием открыл замок, и капот заскрипел, а внутрь полетела ржавчина и грязь. Он показал пальцем на двигатель – весь в масле и черноте – с гирляндами непонятных шнуров и резиновых трубок вокруг. – Вам достался прекрасный механизм в образцовом состоянии, и я хочу, чтобы вы относились к нему с уважением. Я заметил, что вы любите гонять по дорогам как маньяк. Вы должны нянчиться с этой машиной тысячи три или даже пять тысяч километров. Пятьдесят километров в час – вполне пристойная скорость. Я считаю, что тот, кто перегружает новый двигатель, – преступник и его следует арестовать. Так что помни, старина, никаких гонок, или я задам тебе перцу.

Он осторожно закрыл капот, протер треснутое ветровое стекло рукавом своего пальто и ушел.

Эти строгие слова произвели на меня такое впечатление, что целый день я ездил по вызовам не быстрее пешехода.

В тот же вечер, когда я уже собирался спать, ко мне зашел Зигфрид. С ним были двое парней с фермы, и оба они глупо улыбались. Комнату заполнил густой запах пива.

Зигфрид говорил с достоинством, произнося слова достаточно внятно.

– Джеймс, сегодня вечером я встретил этих джентльменов в «Черном быке». Мы прекрасно скоротали время за домино, но, к сожалению, последний автобус до их фермы уже ушел. Ты не подгонишь сюда «остин», чтобы я отвез их домой?

Я поставил автомобиль перед домом, и парни залезли в него: один – вперед, другой – назад. Я посмотрел на Зигфрида, неуверенно садящегося за руль, и решил поехать с ними. Я сел на заднее сиденье.

Двое молодых людей жили на ферме в Нортмуре, поэтому, удалившись на пять километров от города, мы съехали с шоссе, и наши фары высветили полосу проселка, вливавшего между темными холмами.

Зигфрид спешил. Он не снимал ногу с педали газа, звук двигателя набрал невыносимую высоту, и автомобильчик с грохотом рассекал темноту. Крепко вцепившись в кресло, я наклонился, чтобы прокричать в ухо моему нанимателю:

– Помните, двигатель этого автомобиля только что перебрали.

Мне удалось перекрыть шум.

Зигфрид обернулся и снисходительно улыбнулся:

– Да-да, я помню, Джеймс. Чего вы волнуетесь?

Пока он говорил, машина слетела с проселка, и мы понеслись по траве со скоростью девяносто километров в час. Мы болтались в кабине, как горошины в погремушке, до тех пор, пока машина не выбралась на ровную дорогу, и как ни в чем не бывало проследовали на той же скорости. Глупые улыбки исчезли с лиц парней, они неподвижно сидели на своих местах. Никто не разговаривал.

Пассажиров выгрузили на уснувшей ферме, и началось путешествие обратно. Поскольку теперь дорога пошла под гору, Зигфрид выяснил, что он может ехать еще быстрее. Машина подпрыгивала и стучалась на неровной дороге, а двигатель уже выл. Мы нанесли краткие, но решительные визиты паре местных торфяников и добрались домой.

Спустя месяц Зигфрид нашел повод сделать еще один выговор своему ассистенту.

– Джеймс, мальчик мой, – сказал он с горечью в голосе, – вы отличный парень, но, боже правый, как же вы жестоки с автомобилем. Посмотрите на этот «остин». Его двигатель только что перебрали, он был как новый, и посмотрите на него теперь – он опять ест масло. Я не знаю, как вы умудрились добиться этого за такое короткое время. Вы несносны.

Как мы жили

– Кто первый, заходите, – сказал я, выглянув в приемную.

Там сидели старая дама с кошкой в картонной коробке, два мальчика, пытавшиеся удерживать кролика, и кто-то еще, кого я не сразу узнал. Затем вспомнил – это был Сомс.

Когда наступила его очередь, в кабинет вошел совершенно не тот человек, какого я знал. Он заискивающе улыбался. Его борода двигалась вверх и вниз, когда он говорил. Но самое интересное заключалось в его правом глазе: он распух, почти закрылся и был окружен огромным иссиня-черным пятном.

– Я надеюсь, что не помешал вам, мистер Хэрриот, – сказал он. – Дело в том, что я подал в отставку с прежней работы у его лордства и ищу новую. Я хотел бы попросить вас и мистера Фарнона сообщить мне, если вы услышите, что где-то есть место.

Сказать, что я был поражен его сообщением, значит не сказать ничего. Я ответил, что мы сделаем все, что в наших силах. Сомс пространно поблагодарил и откланялся.

Когда он ушел, я обратился к Зигфриду:

– Ну и как нам быть с этим?

– Да, я все знаю. – Зигфрид посмотрел с кривой усмешкой. – Помните, я говорил вам, что у него были постоянные темные делишки в имении – то продаст пару мешков зерна, то пару центнеров удобрений. Все одно к одному. Но продолжалось это недолго, он зарвался и оказался на улице раньше, чем понял, что случилось.

– А что с его чудным черным глазом?

– А это он получил от Томми. Вы наверняка видели Томми, когда были в имении. Он тамошний конюх.

Моя память вернулась к событиям той неприятной ночи, и я вспомнил немногословного мужчину, который держал лошадь за голову.

– Я помню, он такой крупный, толстый мужчина.

– Да, парень он большой, и мне не хотелось бы получить от него в глаз. Сомс превратил его жизнь в ад, и, когда Томми узнал о его увольнении, он навестил его, чтобы заплатить по долгам.

Моя жизнь у Фарнона теперь вошла в удобную и привычную колею. Поначалу я не понимал, как в наши дела впишется Тристан. Считался ли он у нас студентом-практикантом, проводил ли каникулы, работал или что? Но вскоре стало ясно, что он работал в качестве доверенного помощника, который отпускал лекарства, мыл машины, отвечал на телефонные звонки, а в чрезвычайных случаях отправлялся по вызовам.

По крайней мере, так считал Зигфрид, в репертуаре которого было много разнообразных уловок, чтобы заставить Тристана постоянно работать. Он любил неожиданно возвращаться или врываться в комнату в надежде, что застанет брата без дела. Зигфриду даже не приходило в голову то обстоятельство, что каникулы уже закончились и Тристану давно пора возвращаться. В течение следующих месяцев я пришел к заключению, что Тристан, должно быть, так или иначе договорился с руководством колледжа о гибком расписании, поскольку для студента он слишком много времени проводил дома.

Сам он к своей роли относился иначе, чем его брат, и, живя в Дарроуби, огромную часть своего недюжинного интеллекта обращал на то, чтобы делать возможно меньше. По большей части Тристан просто спал в кресле. Когда мы уходили по вызовам, оставляя его готовить лекарства, он следовал одной неизменной процедуре: наполнял до половины двухсотграммовую бутылку водой, бросал в нее несколько граммов хлородина, немного ипекакуаны, затем

затыкал ее пробкой и относил в гостиную к своему любимому креслу. Это было кресло, идеально подходившее для его целей, – старомодное, с высокой спинкой и валиками для головы.

Он доставал свою «Дейли миррор», закуривал сигарету и устраивался поудобнее, чтобы не мешать приходу сна. Если в дом врывался Зигфрид, Тристан хватал бутылку и начинал остервенело ее трясти, время от времени разглядывая содержимое. Затем он отправлялся в амбулаторию, доливал бутылку и клеил на нее этикетку.

Это была здравая работающая система, но в ней имелся один недостаток. Он никогда не мог знать, кто вошел в дом: Зигфрид или кто-то другой, и часто случалось так, что я заставлял его лежащим в кресле с полусонными глазами и старательно трясушим бутылку.

Большинство вечеров он проводил в «Гуртовщиках», сидя на высоком стуле в тамошнем баре и беззаботно болтая с барменшей. По другим случаям он отправлялся на прогулку с одной из молодых фельдшерниц местной больницы, которую он считал агентством по подбору ему женской компании. Как бы то ни было, он вел полнокровную жизнь.

Была половина одиннадцатого субботнего вечера, и я заканчивал список вызовов, когда зазвонил телефон. Я чертыхнулся, скрестил пальцы на удачу и снял трубку:

– Здравствуй, это Хэрриот.

– А, это вы, – прорычал в трубке голос с сильным йоркширским акцентом, – но мне нужен Фарнон.

– Извините, мистера Фарнона нет дома. Могу ли я чем-нибудь помочь?

– Может быть, и можете, хотя я предпочел бы вашего босса. Это Симз из Бил-Клоуза.

(О нет, пожалуйста, только не Бил-Клоуз в субботу вечером. Неисчислимые километры по холмам и по ухабистому проселку.)

– Да, мистер Симз, что случилось?

– Я расскажу вам, в чем дело. У меня здесь есть великолепный шайр. Целых семнадцать ладоней в холке. Он сильно порезал заднюю ногу, сразу над коленом. Я хочу, чтобы вы немедленно зашили рану.

(Как славно! Над коленом! Что за милое место для зашивания раны у лошади. Если она не исключительно спокойная, операция обещает стать замечательным развлечением.)

– Как велика рана, мистер Симз?

– Да добрых сантиметров тридцать, и кровь хлещет как черт. А лошадь-то вертлявая, как угорь. Может копытом выбить глаз мухе. Я никак не могу к ней подойти. Лезет на стенку, когда увидит кого. Кстати, пару дней назад я водил ее к ковалю, так мужик перепугался до смерти. Потрясающе хорошая лошадь.

(Черт побери тебя, мистер Симз, вместе с Бил-Клоузом и «потрясающе хорошей лошадью»!)

– Я немедленно выезжаю. Попробуйте найти нескольких помощников на тот случай, если придется заваливать ее.

– Завалить? Ее? Эту лошадь невозможно завалить. Сначала она убьет того, кто попытается. Да и нет у меня здесь никого, так что вам придется справляться самому. Я знаю, мистеру Фарнону не понадобилось бы много людей, чтобы помочь ей.

(Как мило! Это надо будет записать в дневник.)

– Очень хорошо, я выезжаю, мистер Симз.

– Да, совсем забыл. Дорогу ко мне размыло вчерашним наводнением. Последнюю пару километров надо будет пройти пешком. Так что выезжайте и не заставляйте меня ждать всю ночь.

(Ну, это уже чересчур!)

– Послушайте, мистер Симз, мне не нравится ваш тон. Я сказал, что выезжаю немедленно и доберусь до вас так быстро, как смогу.

– Ах, вам не нравится мой тон, да? А мне не нравятся молодые студентки, когда они практикуются на моей замечательной скотине, и я не потерплю вашей наглости. Вы не разбираетесь в этом деле.

(Все, с меня хватит!)

– Послушайте меня, Симз. Если бы не лошадь, я бы вообще остался на месте. Что вы себе воображаете, а? Если вы еще попытаетесь разговаривать со мной так...

– Ну-ну, Джим, держи себя в руках. Спокойнее, старина. Пупок развяжется, если ты будешь продолжать в таком духе.

– Какого черта?..

– Ай-ай, Джим, успокойся! Ну и характер же у тебя. Тебе надо следить за собой.

– Тристан! Откуда, черт возьми, ты говоришь?

– Из будки рядом с «Гуртовщиками». Во мне два литра пива, и они озоруют. Вот я и решил позвонить тебе.

– Клянусь Богом, я когда-нибудь убью тебя, если ты не прекратишь эти игры. У меня от них появляются седые волосы. Время от времени они терпимы, но за последнюю неделю это уже третий случай.

– Но согласись, он – самый лучший, Джим. Было просто здорово. Когда ты стал закипать по полной, я чуть не умер. Боже, слышал бы ты себя.

Он зашелся в безудержном смехе.

Я попытался предпринять слабую и негодную попытку отмищения человеку в телефонной будке.

– Это молодой Фарнон? – начал я, подделываясь под гортанное кваканье йоркширцев. – С вами говорит Тилсон из Хайвуда. Я прошу вас приехать немедленно. У меня тяжелый случай...

– Извини, Джим, что случилось с твоими гландами? Впрочем, продолжай свою речь. Звучит очень интересно.

Но один раз трубку взять пришлось ему. Случилось это во вторник, когда мое дежурство пришлось на первую половину дня. В половине двенадцатого утра зазвонил телефон. Выпадение матки у коровы. Это очень тяжелая операция в нашей практике, и по спине у меня пробежал привычный холодок.

Это случается, когда корова после отела продолжает тужиться, пока не вывернет наружу всю матку, которая повисает чуть ли не до скакательного сустава. Это огромный орган, и его необычайно трудно вправить на место, в основном потому, что, вытолкнув его, корова не хочет получить его обратно. А в соревновании между руками человека и мышцами коровы у последней шансов значительно больше.

Старые ветеринары, пытаясь хотя бы чуть-чуть уравнять возможности, подвязывали корову за задние ноги и поднимали ее в воздух, а самые изобретательные из них применяли всевозможные изобретения типа маточных зажимов, чтобы втолкнуть орган в небольшой объем. Но следствием всегда была многочасовая упорная работа.

Появление эпидуральной анестезии все упростило, поскольку животное не чувствовало матки и не тужилось, но слова «выворот матки» по-прежнему гарантированно стирали улыбку с лица.

Я решил взять с собой Тристана на случай, если мне понадобятся несколько дополнительных килограммов силы. Он пошел со мной, но по поводу этой моей мысли проявил мало энтузиазма. Однако и эти остатки улетучились, когда он увидел пациентку – очень толстую шортгорнку, беззаботно лежащую на полу в своем стойле. Сзади нее находилась кровавая масса, состоящая из матки, последа, навоза и соломы.

Она не проявила ни малейшего намерения встать, но после наших долгих энергичных понуканий и толканий поднялась на ноги, сохраняя скупающий вид.

Через пласты жира было трудно найти эпидуральное пространство, и я не был уверен, что весь анестетик попал куда надо. Я убрал послед, почистил матку и положил ее на чистую простыню, которую держали фермер и его брат. Они были людьми хлипкими и могли только держать простыню. На большее с их стороны я рассчитывать не мог.

Я кивнул Тристану, мы сняли рубашки, ниже пояса обмотались чистой мешковиной и взялись за матку.

Она ужасно распухла, и нам понадобился целый час, чтобы поместить ее обратно. Но этому предшествовал долгий период времени, когда мы не могли добиться вообще никакого успеха, а вся идея засунуть огромный орган в небольшое отверстие казалась такой же смехотворной, как попытка продеть сосиску в игольное ушко. Затем несколько минут нам казалось, что мы наконец стали добиваться своего, но тут же обнаружилось, что мы пытаемся втолкнуть орган в дыру в простыне. (Зигфрид однажды рассказывал мне, как целое утро потратил на то, чтобы вставить матку в анус, хотя беспокоил его не сам этот факт, а то, что ему это почти удалось.) В итоге, когда надежды уже не оставалось, наступил блаженный момент: эта штука начала скользить внутрь и волшебным образом исчезла из виду.

Где-то на полдороге мы оба остановились передохнуть, стоя бок о бок и тяжело дыша. Щеки Тристана были разукрашены в тех местах, где его обрызгала задетая артерия. Я посмотрел ему в глаза и прочитал в них глубокое отвращение ко всем этим делам.

Умываясь над ведром и ощущая боль во всем теле, я взглянул на Тристана. Он надевал рубашку через голову с таким видом, будто это отнимает у него последние силы. И только корова, с удовольствием набившая рот сеном, выглядела лучше всех.

Забравшись в машину, Тристан простонал:

– Нет, такие дела не для меня. Я чувствую себя так, будто по мне проехал асфальтовый каток. Черт, какой же оборот иногда принимает жизнь.

После обеда я поднялся из-за стола:

– Я сейчас отправляюсь в Бротон, Трисс, и думаю, мне надо предупредить тебя, что ту корову, возможно, тебе придется увидеть еще раз. Такие тяжелые случаи дают рецидивы, и есть шанс, что неприятность может повториться. В этом случае тебе придется действовать в одиночку, поскольку Зигфрида не будет еще несколько часов, а я собираюсь воспользоваться своим законным отдыхом, и ничто меня не остановит.

На этот раз чувство юмора изменило Тристану. Он сразу как-то даже постарел и выглядел изможденным.

– О боже, – простонал он, – даже не говори мне этого. Я же обессилен, еще одна такая операция – и я умру. К тому же я остаюсь один! Говорю тебе, это убьет меня!

– Да ну, – сказал я голосом садиста, – не переживай так сильно. Может быть, все обойдется.

Но когда через полтора десятка километров по дороге к Бротону я увидел телефонную будку, в голову мне пришла одна мысль. Я притормозил и вышел из машины. «А что, – подумал я, – один-то раз можно попробовать».

В будке я почувствовал прилив вдохновения. Набросив платок на трубку, я набрал телефон нашей приемной, а когда услышал Тристана, заорал во весь голос:

– Это тот молодой парень, что сегодня утром вправлял матку?

– Да, и я тоже. – В голосе Тристана звучало напряжение. – Что, что-то не так?

– Да, что-то не так, – закричал я, – она опять ее вытолкнула.

– Опять? Опять вытолкнула? Всю? – Он почти визжал.

– Да, и кровищи кругом вдвое больше, чем было утром, и она продолжает литься. Вам надо что-то с ней сделать.

Последовало долгое молчание, и я подумал, не упал ли он в обморок. Затем я услышал его снова, голос был хриплый, но решительный:

– Хорошо, я немедленно выезжаю. – Последовала очередная пауза, и затем он переспросил почти шепотом: – Она полностью выпала?

И тут я сломался. В его словах была такая тоска, что это сразило меня: он все еще надеялся, что фермер преувеличивает, что, возможно, торчит лишь маленький кусочек. Я начал смеяться. Я хотел бы подольше помучить свою жертву, но это было невозможно. Я смеялся все громче и снял платок с трубки, чтобы Тристан мог меня слышать.

Последовало несколько секунд бешеной брани с того конца провода. Я выслушал ее и повесил трубку. Возможно, мне больше никогда не удастся повторить этот опыт, но как сладка месть!

Беллерби, пришельцы из былых веков

– Мистера Хэрриота? Конечно, сейчас я его позову. – Зигфрид прикрыл телефонную трубку ладонью. – Джеймс! Вот еще одни предпочитают вас мне.

Я быстро взглянул на него. Но он улыбался. Он был доволен.

Беря трубку, я вспомнил все истории, которые слышал о другом типе нанимателей – о людях, которые не терпят, чтобы их сбрасывали с малюсеньких их пьедесталов. И еще я подумал о том, как за несколько недель изменилось отношение фермеров ко мне. Теперь они уже не смотрели мимо меня в надежде, что мистер Фарнон все-таки приехал. Они начинали принимать меня как своего, и мне хотелось думать, что не только законы гостеприимства заставляют их спрашивать, не хочу ли я «немножко перекусить».

Это много стоило, потому что с ходом времени во мне росло и крепло уважение к обитателям йоркширских холмов, умение ценить дружбу, которую они предлагали далеко не всякому. И чем выше по склонам они жили, тем больше мне нравились. В долине, там, где она, расширяясь, превращалась в равнину, фермеры ничем не отличались от фермеров в других местах, но чем выше в холмах, тем интереснее оказывались люди, а в деревушках и одиноких фермах, разбросанных возле суровых вершин, особенно заметны были их самобытные черты – простота и достоинство, упрямая независимость и радушие.

В это воскресное утро я отправился к Беллерби, почти к самой вершине Холдена, в небольшую, ответвлявшуюся от нее долину. Моя машина подскакивала и тряслась последнюю милю проселка, где через каждые несколько ярдов из земли высывались макушки валунов.

Я вылез. С этого места мне было хорошо видно это странной конфигурации подобие ущелья среди холмов. Его крутые склоны были изрезаны и разрыты тысячами ручейков, питавших буйный Холден-Бек, клубившийся по каменистому ложу далеко внизу. Там виднелись деревья, ухоженные поля, но сразу за моей спиной непокоренные холмы наступали на чашу, в которой лежала ферма. Холстен-Пайк, Алстанг, Бенрсайд – могучие великаны, носящие варварские имена, были совсем близко.

Тут, вверху, атрибуты цивилизации казались такими далекими! Коровник, конюшня, амбары были построены из массивных камней сотни лет назад с единственной целью – укрывать скотину. Тех былых строителей не стесняли правила, требующие вентиляции и определенного освещения, так что коровник был сумрачным и в каменных стенах окна почти отсутствовали. Пол был весь в буграх и рытвинах, а коров друг от друга отделяли полусгнившие перегородки. Я вошел, находя дорогу ощупью, пока мои глаза не свыклись с тусклым светом. Никого, кроме рыжей коровы с привязанной к хвосту запиской. Обычный способ общения с ветеринаром, а потому я приподнял хвост и прочел: «Мастит, задние четверти».

Я повернул корову и принялся осматривать задние соски; и уже сдаивал синеватое, с хлопьями молоко, когда голос у дверей произнес:

– А, это вы, мистер Хэрриот! Вот хорошо, что вы с утра к нам приехали. Очень вы нас одолжить можете, если вам удобно будет.

Я поднял голову и увидел Рут Беллерби, красивую женщину лет под сорок. Она была движущей силой семьи, умная и любознательная. И горячая сторонница самообразования для обитателей йоркширских холмов.

– Буду рад помочь, если смогу, миссис Беллерби. Так в чем дело?

– Ну, мистер Хэрриот, вы ведь знаете, что сегодня в Дарроуби, в церкви, будут исполнять «Мессию», и нам очень хочется послушать. Но с пони и тележкой столько хлопот! Так если бы вы могли повезти нас на своей машине?! Назад мы кого-нибудь найдем. Вы бы нас так одолжили!

– Ну конечно подвезу, – ответил я. – С большим удовольствием. Я и сам собираюсь там быть. Хорошую музыку в Дарроуби нечасто услышишь.

Было очень приятно оказать услугу этим чудесным людям. Беллерби меня всегда поражали. Они словно были пришельцами из былых веков, и мир их будто существовал над временем. Они никогда не торопились, поднимались, когда рассветало, ложились спать, когда уставали, ели, проголодавшись, и редко смотрели на часы.

Рут проводила меня в дом.

– Едут только мама с отцом да я. А Бобу, боюсь, неинтересно.

Я несколько растерялся, когда вошел в дом. Семья как раз садилась за воскресный обед, и все оставались в рабочей одежде. Я покосился на мои часы. Без четверти двенадцать, а начало в два. Ну да ничего! Времени у меня в запасе, пожалуй, достаточно.

– Входите, входите, молодой человек! – сказал низенький мистер Беллерби. – Садитесь да пообедайте с нами.

Отказываться от таких приглашений, не нанеся обиды, было нелегким делом, но я объяснил, что к моему возвращению меня будет ждать обед и мне будет неудобно перед миссис Холл, если он останется несъеденным.

Этот довод они приняли сразу и расселись вокруг выскобленного кухонного стола. Миссис Беллерби поставила перед каждым по большому йоркширскому пудингу круглой формы и обильно полила их мясным соусом из эмалированного кувшина вместимостью в квартиру. Утро у меня выдалось тяжелое, и восхитительный аромат, струившийся от соуса, растекающегося по золотистым пудингам, был сладкой пыткой. Но я утешался мыслью, что они поторопятся, раз я сижу тут и жду.

Пудинги были поглощены в благодушном молчании, затем Боб, симпатичный коренастый парень лет двадцати с небольшим, выдвинул свою пустую тарелку на середину стола. Он ничего не сказал, но его мать тут же вывалила на нее еще один пудинг и не пожалела подливки. Родители и сестра благодушно взирали, как он уписывает плотную мучнистую массу. Затем из духовки появился огромный ростбиф, и мистер Беллерби резал его и кромсал, пока на всех тарелках не появилась горка толстых ломтей. Затем рядом выросли настоящие горы картофельного пюре, которое накладывалось из чего-то вроде таза для мытья посуды. Еще горки рубленой репы, и семья вновь принялась за дело. Солидно, не спеша, в достойном молчании. Боб подложил себе еще пюре.

Беллерби благодушествовали, чего о себе я сказать никак не мог. Меня грыз свирепый голод, а мои часы беспощадно отсчитывали уходящие минуты.

После благопристойной передышки миссис Беллерби направилась к старинной духовке в углу, открыла дверцу и извлекла огромную форму с исходящим паром яблочным пирогом. После чего нарезала его кусками в один квадратный фут для каждого и утопила куски в пинте заварного крема из другого внушительного эмалированного кувшина.

Семья приступила к десерту, будто только что села за стол, и вновь воцарилось деловитое молчание. Боб очистил свою тарелку с небрежной ловкостью и безмолвно выдвинул ее на середину стола. Его мать тут же водворила на нее еще один квадратный фут пирога, конечно не пожалев и крема.

Времени остается в обрез, думал я, но уж теперь-то они завершат свою трапезу. Заметят, что надо поторопиться, и пойдут переоденутся. Однако, к моему ужасу, миссис Беллерби медленно направилась к очагу и поставила на него чайник, а ее супруг и Боб отодвинули стулья и вытянули ноги. На обоих были вельветовые штаны с незатянутыми поясами, а на ногах огромные, подбитые гвоздями сапоги. Боб, порывшись в карманах, извлек мятую пачку сигарет и развалился в блаженной летаргии. Мать поставила перед ним чашку с чаем, а мистер Беллерби достал складной ножик и начал отрезать табак от плитки, чтобы набить трубку.

Когда они вновь придвинулись к столу и принялись за чай, я поймал себя на том, что демонстрирую все классические симптомы нервного перенапряжения: бешеный пульс, сведенные судорогой челюсти и начинающаяся головная боль.

После второй чашки чая появились некоторые признаки оживления. Мистер Беллерби со стоном поднялся на ноги, поскреб грудь под рубашкой и с хрустом потянулся.

– Ну что же, молодой человек, мы помоемся, переоденемся, а Боб составит вам компанию, он с нами не едет.

В дальнем конце кухни над большой каменной мойкой некоторое время раздавались всплески и отфыркивания. После омовения они поднялись наверх. С огромным облегчением я обнаружил, что на переодевание они много времени не потратили. Мистер Беллерби очень скоро спустился к нам, преображенный шерстяным темно-синим костюмом с зеленоватым отливом. Почти следом спустились его супруга и дочь во всем блеске цветастых платьев из хлопчатобумажной ткани.

– Ну что же, вот мы и готовы, а? – В моей веселой бодрости пряталась истерика. – Ну так в путь! Прошу вас, дамы!

Однако Рут не сдвинулась с места. Она натягивала белые перчатки и поглядывала на брата, вновь развалившегося на стуле.

– Знаешь, Боб, смотреть на тебя тошно! – вдруг взорвалась она. – Мы вот едем слушать чудную музыку, а ты валяешься тут, как свинья в навозе, и даже ухом не ведешь. Совсем не интересуешься культурой и о самообразовании думаешь не больше бычков на пастбище.

Боб тревожно заерзал под этим неожиданным нападением, но худшее ждало впереди. Рут топнула ногой:

– У меня просто кровь закипает, как погляжу на тебя. И ведь знаю: мы дверь закрыть не успеем, как ты захрапишь. Будешь хрюкать тут весь день, как боров. – Она обернулась к миссис Беллерби. – Мама! Вот что: я не оставлю его здесь храпеть! Он должен поехать с нами.

На лбу у меня выступил пот, и я забормотал:

– Не кажется ли вам... может быть... времени очень мало... начало в два... я не ел...

Но мои призывы пропали втуне. Рут закусила удила.

– А ну вставай, Боб! Вставай сию же минуту и переоденься!

Она плотно сжала губы и выставила упрямый подбородок.

Где было Бобу против нее! Хотя пищу он поглощал с поразительной энергией, но характером был, видимо, слабоват. Бурча себе под нос, он поплелся к мойке. Стянул рубашку, а они сели и смотрели, как он намыливает торс большим куском мыла и обливает голову и плечи, качая ручку насоса у мойки.

Родители смотрели на него со счастливым видом, радуясь, что он поедет с ними, полные уверенности, что это к его же пользе. Рут следила, как он моется, с сиянием любви в глазах. И все время оглядывалась на меня, словно спрашивая: «Замечательно, правда?»

Я же еле-еле удерживался, чтобы не начать горстями рвать на себе волосы. Неодолимое желание вскочить, забегать по кухне, завизжать показывало, что я вот-вот сорвусь. Я закрыл глаза, борясь с этим чувством, и, видимо, держал их закрытыми долго, потому что, открыв их, увидел, что рядом со мной стоит Боб в точно таком же костюме, как у его отца.

Возвращение в Дарроуби почти не запечатлелось в моей памяти. Смутно помню только, что машина несется по каменистому проселку со скоростью сорок миль в час, а я выпученными глазами смотрю прямо перед собой, а Беллерби, еле уместившиеся на сиденье, но веселые и бодрые, получают от поездки большое удовольствие.

Даже невозмутимая миссис Холл поджала губы, когда я влетел в дом без десяти два и вылетел из него в два, на ходу дожевывая ее чудесное жаркое.

Я опоздал. Музыка уже звучала, когда я проскользнул в церковь, став мишенью негодующих взглядов. Уголком глаза я увидел, что Беллерби сидят рядом, чинно выпрямившись. По-моему, они тоже смотрели на меня негодующе.

Мистер Дин теряет друга

Я снова заглянул в листок, на котором записал вызовы. «Дин, Томпсоновский двор, 3. Большая старая собака».

В Дарроуби было немало «дворов» – маленьких улочек, словно сошедших с иллюстраций в романах Диккенса. Одни отходили от рыночной площади, другие прятались за магистралями в старой части города. Они начинались с низкой арки, и я всякий раз удивлялся, когда, пройдя по тесному проходу, вдруг видел перед собой два неровных ряда поразительно разнообразных домиков, заглядывавших в окна друг другу через узкую полоску булыжной мостовой.

Перед некоторыми в палисадничках среди камней вились настурции и торчали ноготки, но дальше ютились обветшалые лачуги, и у двух-трех окна были забиты досками.

Номер третий находился как раз в дальнем конце, и казалось, что он долго не простоит. Хлопья облезающей краски на прогнивших филенках затрепетали, когда я постучал в дверь, а кирпичная стена над ней опасно вспучивалась по сторонам длинной трещины.

Мне открыл шуплый старичок. Волосы у него совсем побелели, но глаза на худом морщинистом лице смотрели живо и бодро. Одет он был в шерстяную штопаную-перештопаную фуфайку, заплатанные брюки и домашние туфли.

– Я пришел посмотреть вашу собаку, – сказал я, и старичок облегченно улыбнулся:

– Очень вам рад, сэр. Что-то у меня на сердце из-за него беспокойно. Входите, входите, пожалуйста.

Он провел меня в крохотную комнатку.

– Я теперь один живу, сэр. Хозяйка моя вот уже больше года как скончалась. А до чего она нашего пса любила!

Все вокруг свидетельствовало о безысходной нищете: потертый линолеум, холодный очаг, душный запах сырости. Волглые обои висели лохмотьями, а на столе стоял скудный обед старика: ломтик грудинки, немного жареной картошки и чашка чая. Жизнь на пенсию по старости.

В углу на одеяле лежал мой пациент, лабрадор-ретривер, хотя и не чистопородный. В расцвете сил он, несомненно, был крупным, могучим псом, но седая шерсть на морде и белесая муть в глубине глаз говорили о беспощадном наступлении дряхлости. Он лежал тихо и поглядывал на меня без всякой враждебности.

– Возраст у него почтенный, а, мистер Дин?

– Вот-вот. Без малого четырнадцать лет, но еще месяц назад бегал и резвился, что твой щенок. Старый Боб, он для своего возраста замечательная собака и в жизни ни на кого не набросился. А уж дети что хотят с ним делают. Теперь он у меня только один и остался. Ну да вы его подлечите, и он опять будет молодцом.

– Он перестал есть, мистер Дин?

– Совсем перестал, а ведь всегда любил поесть, право слово. За обедом там или за ужином сядет возле меня, а голову положит мне на колени. Только вот последние дни перестал.

Я смотрел на пса с нарастающей тревогой. Живот у него сильно вздулся, и легко было заметить роковые симптомы неутихающей боли: перебои в дыхании, втянутые уголки губ, испуганный неподвижный взгляд.

Когда его хозяин заговорил, он два раза шлепнул хвостом по одеялу и на мгновение в белесых старых глазах появилось выражение интереса, но тут же угасло, вновь сменившись пустым, обращенным внутрь взглядом.

Я осторожно провел рукой по его животу. Ярko выраженный асцит, и жидкости скопилось столько, что давление, несомненно, было мучительным.

– Ну-ка, ну-ка, старина, – сказал я, – попробуем тебя перевернуть.

Пес без сопротивления позволил мне перевернуть его на другой бок, но в последнюю минуту жалобно взвизгнул и поглядел на меня. Установить причину его состояния, к несчастью, было совсем не трудно. Я бережно ощупал его бок. Под тонким слоем мышц мои пальцы ощутили бороздчатое затвердение. Несомненная карцинома селезенки или печени, огромная и абсолютно неоперабельная. Я поглаживал старого пса по голове, пытаюсь собраться с мыслями. Мне предстояли нелегкие минуты.

– Он долго будет болеть? – спросил старик, и при звуке любимого голоса хвост снова дважды шлепнул по одеялу. – Знаете, когда я хлопочу по дому, как-то тоскливо, что Боб больше не ходит за мной по пятам.

– К сожалению, мистер Дин, его состояние очень серьезно. Видите вздутие? Это опухоль.

– Вы думаете... рак? – тихо спросил старичок.

– Боюсь, что да, и уже поздно что-нибудь делать. Я был бы рад помочь ему, но это неизлечимо.

Старичок растерянно посмотрел на меня, и его губы задрожали.

– Значит... он умрет?

У меня сжалось горло.

– Но ведь мы не можем оставить его умирать, правда? Он и сейчас страдает, а вскоре ему станет гораздо хуже. Наверное, вы согласитесь, что будет лучше, если мы его усыпим. Все-таки он прожил долгую хорошую жизнь... – В таких случаях я всегда старался говорить деловито, но сейчас избитые фразы звучали неуместно.

Старичок ничего не ответил, потом сказал: «Погодите немножко» – и медленно, с трудом опустился на колени рядом с собакой. Он молчал и только гладил старую седую морду, а хвост шлепал и шлепал по одеялу.

Я еще долго стоял в этой безрадостной комнате, глядя на выцветшие фотографии по стенам, на ветхие грязные занавески, на кресло с продавленным сиденьем.

Наконец старичок поднялся на ноги и несколько раз сглотнул. Не глядя на меня, он сказал хрипло:

– Ну хорошо. Вы сейчас это сделаете?

Я наполнил шприц и сказал то, что говорил всегда:

– Не тревожьтесь, это совершенно безболезненно. Большая доза снотворного, только и всего. Он ничего не почувствует.

Пес не пошевелился, пока я вводил иглу, а когда нембутал вошел в вену, испуг исчез из его глаз и все тело расслабилось. К тому времени, когда я закончил инъекцию, он перестал дышать.

– Уже? – прошептал старичок.

– Да, – сказал я. – Он больше не страдает.

Старичок стоял неподвижно, только его пальцы сжимались и разжимались. Когда он повернулся ко мне, его глаза блеснули.

– Да, верно, нельзя было, чтобы он мучился, и я благодарен вам за то, что вы сделали. А теперь – сколько я должен вам за ваш визит, сэр?

– Ну что вы, мистер Дин, – торопливо сказал я. – Вы мне ничего не должны. Я просто проезжал мимо... и даже лишнего времени не потратил...

– Но вы же не можете трудиться бесплатно, – удивленно возразил старичок.

– Пожалуйста, больше не говорите об этом, мистер Дин. Я ведь объяснил вам, что просто проезжал мимо вашего дома...

Я попрощался, вышел и по узкому проходу зашагал к улице. Там сияло солнце, сновали люди, но я видел только нищую комнатуху, старика и его мертвую собаку.

Я уже открывал дверцу машины, когда меня окликнули. Ко мне, шаркая домашними туфлями, подходил старичок. По щекам у него тянулись влажные полоски, но он улыбался. В руке он держал что-то маленькое и коричневое.

– Вы были очень добры, сэр. И я кое-что вам принес.

Он протянул руку, и я увидел, что его пальцы сжимают замусоленную, но бережно хранившуюся реликвию какого-то давнего счастливого дня.

– Берите, это вам, – сказал старичок. – Выкурите сигару!

Тристан-бухгалтер

События показали, что идея Зигфрида поручить бухгалтерию брату была неудачной, поскольку жизнь в Скелдейл-хаусе шла мирно, и мне это нравилось.

В течение без малого двух недель не было слышно ни одного сердитого слова, ни разу не повышался голос, за исключением случая, когда Зигфрид увидел, как его брат едет по коридору на велосипеде. Тристан посчитал его гнев и крики необоснованными: ему поручили накрыть на стол, а поскольку от кухни до столовой было достаточно далеко, ему показалось вполне естественным ввести в игру велосипед.

Наступила осень, воздух стал свежеть, и вечерами отблески горевших в камине бревен падали на стены и высокий резной потолок большой комнаты. Нам всегда нравилось это время, когда работа, запланированная на день, была выполнена и мы вдвоем устраивались в потертых креслах, протягивая ноги к огню.

Тристан решал кроссворд из «Дейли телеграф», что он делал каждый вечер. Зигфрид читал, а я дремал. Я с трудом воспринимал кроссворды, Зигфрид мог подсказать вариант после минутного раздумья, а Тристан решал весь кроссворд, пока я думал над первым словом.

Ковра на полу не было видно, поскольку его закрывали лежащие на нем собаки – все пять; они лежали друг на друге, шумно дыша и добавляя колорита в атмосферу всеобщего единения и удовлетворения.

Мне показалось, что в комнату влетел порыв холодного ветра, когда заговорил Зигфрид.

– Завтра базарный день, и наступает срок оплаты счетов. Здесь будет очередь из желающих отдать нам свои деньги, так что я прошу тебя, Тристан, посвятить весь день их приему. Джеймс и я будем заняты, так что тебе придется справляться самому. Тебе нужно только принимать у них чеки, выдавать расписки и вносить их имена в регистрационную книгу. Как ты думаешь, ты сможешь справиться с этим без того, чтобы запороть дело?

Я поморщился. Это была первая режущая слух нота, и она царапнула меня где-то внутри.

– Я думаю, что вполне смогу справиться с этим, – надменно сказал Тристан.

– Хорошо. Тогда идем спать.

Однако на следующий день было очень заметно, что порученные задачи пришлись Тристану в пору. Он расположился за столом, пачками принимал чеки и все время говорил. Но это была не пустая болтовня, к каждому посетителю у него был индивидуальный подход.

С последовательным методистом он говорил о погоде, ценах на скот и деятельности местных властей. Для развязного типа в кепке набекрень, наполнившего комнату ароматами пива, выпитого на ярмарке, у него была припасена своя история. Но наибольших высот он достигал в разговорах с дамами. Они сразу были очарованы его невинным мальчишеским лицом, и, когда он включал свое очарование на полную мощность, их капитуляция была полной.

Я был потрясен хихиканьем, которое доносилось из-за закрытой двери. Я был рад, что у парня получается. На этот раз все шло хорошо.

За обедом Тристан был весьма доволен собой, а когда мы сели пить чай, он уже торжествовал. Зигфрид тоже был доволен дневными поступлениями, о которых брат его проинформировал, показывая колонку аккуратно выписанных цифр с естественным «итога» внизу. «Благодарю тебя, Тристан, ты – молодец». Все было замечательно.

В конце дня я вышел во двор, чтобы выбросить в мусор пустые бутылки из багажника. День был нелегким, и у меня скопилось необычно много пустой тары.

И тут из сада ко мне подбежал запыхавшийся Тристан:

– Джим, я потерял регистрационную книгу.

– Опять морочишь мне голову своими шуточками, – сказал я. – Почему бы тебе не передохнуть от постоянной демонстрации своего чувства юмора?

Я засмеялся и разбил бутылку из-под линимента об остальные. Он подергал меня за рукав:

– Я не шучу, Джим, поверь мне. Я действительно потерял эту чертову книгу.

На этот раз хладнокровие оставило Тристана. Его глаза были широко раскрыты, а лицо – бледно.

– Да куда она может деться, – сказал я. – Обязательно найдется.

– Она не найдется никогда! – Тристан, ломая руки, стал мерить двор шагами. – Ты знаешь, я два часа истратил на ее поиски. Я перерыл весь дом. Она исчезла, говорю тебе.

– Ну и что, оно и не важно. Ты ведь переписал все имена в главную книгу.

– В том-то и дело, что нет. Я собирался заняться этим сегодня вечером.

– Иными словами, все те фермеры, которые заплатили нам сегодня, получают в следующем месяце те же счета еще раз?

– Типа того. Я не помню их имен, за исключением двух или трех.

Я сел на край каменной поилки.

– Тогда пусть поможет тебе Бог. Эти йоркширские молодцы не любят расставаться со своими медяками и в первый раз, но если ты попросишь их сделать это снова – берегись.

И тут мне в голову пришла еще одна мысль, и я с оттенком жестокости спросил:

– А как насчет Зигфрида? Ты уже сказал ему?

Лицо Тристана исказила гримаса.

– Нет, его не было дома, он только что пришел. Пойду скажу ему.

Он распрямил плечи и ушел со двора.

Я решил не идти за ним в дом. Я не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пережить сцену, которая должна была разыгаться. Вместо этого я ушел в дальнюю аллею, которая мимо дома вывела меня на ярмарочную площадь, где в сумерках был отчетливо виден освещенный вход в «Гуртовщиков».

Я сидел за пивом, когда там появился Тристан, который выглядел так, как будто из него выпустили пару литров крови.

– Ну и как? – спросил я.

– Да как обычно. Может быть, на этот раз чуть хуже. Но вот что я скажу тебе, Джим. Я не хотел бы, чтобы этот месяц кончился.

Регистрационная книга так и не нашлась, и месяцем позже все счета были выписаны снова на день открытия ярмарки.

В приемной в тот день было тихо, а мои вызовы я обошел еще до полудня. Я не зашел в дом, поскольку через окно приемной видел, как вдоль стен сидят фермеры: у каждого на лице читались одинаковая обида и желание отстоять свои права.

Я прокрался на ярмарочную площадь. Когда у меня было свободное время, я с удовольствием бродил меж прилавков, которые стояли по периметру древней площади. Тут продавались фрукты, рыба, подержанные вещи и одежда, торговали букинисты, короче, здесь было почти все, но прилавков с фарфором мне нравился больше всех. Его держал интеллигент-еврей из Лидса – толстый, потный, уверенный. У него было гипнотическое умение продавать. Я никогда не уставал наблюдать за ним. Он очаровывал меня. В тот день он был в своей лучшей форме, стоя в небольшом проходе между двумя горами посуды, а жены фермеров слушали его, открыв рты.

– Я не очень красив, – говорил он. – Я не очень умен, но, боже, как я умею говорить. Я могу кого угодно заговорить до смерти. Вот посмотрите-ка сюда. – Он поднял в воздух дешевую чашку и держал ее, нежно обхватив ручку между большим и указательным пальцем, изысканно оттопырив мизинец. – Красиво, не правда ли? Разве она не мила? – Затем он так же нежно поставил ее на ладонь и продемонстрировал присутствующим. – А теперь, дамы, я скажу вам,

что вы можете купить такой же чайный сервиз у Коннери в Брэдфорде за три фунта пятнадцать шиллингов. Я не шучу и никого не дурачу, он там продается по этой цене. А какова моя цена, дамы? – И тут он выудил старую трость с разбитой рукояткой. – Спрашиваете, какова моя цена за этот прекрасный чайный сервиз? – Он взял трость за нижний конец и ударил ручкой по пустой картонке из-под сервиза. – Даже не три фунта пятнадцать шиллингов. – Удар! – И не три. – Снова удар! – И не два. – Удар! – И не тридцать шиллингов! – Удар! – Ну же, ну же, кто даст мне фунт? – (Ни единая душа не шелохнулась.) – Ладно-ладно, вижу, что я сегодня найду покупателя. Хорошо, пусть будет семнадцать шиллингов и шесть пенсов за все.

Финальный сокрушительный удар – и дамы стали махать ему руками и раскрывать свои сумочки. Невысокий торговец вышел из глубины стойки и начал раздавать сервизы. Ритуал был соблюден, и все были счастливы.

Я стоял и ждал следующего номера этого виртуоза, когда увидел дюжую фигуру в клетчатой кепке, живо машущую мне рукой из толпы. Другую руку он спрятал за пазухой, и я знал, чего он хочет. Я не колебался ни секунды, а прокрался за лотками с корытами для свиней и проволоочной сеткой, пройдя всего в нескольких метрах от другого фермера, который размахивал конвертом.

Я оказался в ловушке, но увидел путь к отступлению. Я быстро обогнул прилавок с дешевыми ювелирными изделиями и нырнул в дверь «Гуртовщиков». Минувя бар, где было полно фермеров, я проскользнул в контору управляющего. Здесь я был в безопасности, это единственное место, где меня принимали с радостью.

Управляющий посмотрел на меня из-за стола и не улыбнулся.

– Послушайте, – сказал он резко, – какое-то время назад я приносил вам на обследование мою собаку и в положенный срок получил счет. – (Я мысленно согнулся в поклоне.) – Я оплатил его в тот же день и был несказанно удивлен, когда сегодня утром обнаружил, что мне этот же счет доставлен еще раз. У меня есть расписка, подписанная...

Я больше не мог этого терпеть.

– Мне очень жаль, мистер Брук, но произошла ошибка. Я все исправлю. Пожалуйста, примите наши извинения.

Это стало привычным рефреном на ближайшие несколько дней, но тяжелее всего пришлось Зигфриду. Это случилось в его любимом пабе «Черный лебедь». Его там нашел Билли Брекенридж, дружелюбный, веселый тип из местных знаменитостей Дарроуби.

– Эй, помните, я заплатил вам за операцию три шиллинга и шесть пенсов? Я получил еще один счет за нее.

Зигфрид извинился, тщательно подбирая слова, поставил клиенту выпивку, и они расстались друзьями.

Беда была в том, что Зигфрид, который вообще редко что-нибудь помнит, забыл об этом. Месяц спустя в том же «Лебеде» он вновь наткнулся на Билли Брекенриджа. На этот раз Билли не был расположен к шуткам.

– Эй, помните тот счет, что вы присылали мне дважды? Он опять пришел.

Зигфрид делал все, что в его силах, но его попытки обаять человека были тщетны. Брекенридж был оскорблен.

– Так, я вижу, вы не верите, что я оплатил этот счет. У меня была расписка от вашего брата, но я ее потерял. – Он отмахнулся от протестов Зигфрида. – Нет-нет, есть только один способ уладить дело. Я говорю, что заплатил три шиллинга и шесть пенсов, а вы говорите, что нет. Хорошо, давайте сыграем в орлянку.

Зигфрид жалобно возражал, но Билли был непреклонен. Он вытащил пенс и положил на большой палец.

– О'кей, выбирайте.

– Орел, – пробормотал Зигфрид, орел и выпал.

Маленький человек не изменился в лице. С тем же достоинством он вручил Зигфриду три шиллинга и шесть пенсов.

– Давайте же считать инцидент исчерпанным.

Он вышел из бара.

Теперь у нас целая коллекция неприятных воспоминаний, но Зигфрид все же был исполнен преизрядного вдохновения. Каким-то образом он опять забыл зарегистрировать операцию, и в конце месяца Билли Брекенридж получил четвертый счет за работу, которую он уже оплатил дважды. Тогда-то Зигфрид и перестал ходить в свой паб и перешел в «Кросс Ки».

Зимняя прелесть китайских мопсов

На смену осени шла зима, на высокие вершины полосами лег первый снег, и теперь неудобства практики в йоркширских холмах давали о себе знать все сильнее.

Часы за рулем, когда замерзшие ноги немели и переставали слушаться, сараи, куда надо было взбираться навстречу резкому ветру, гнувшему и рвавшему жесткую траву. Бесконечные раздевания в коровниках и хлевах, где гуляли сквозняки, ледяная вода в ведре, кусочек хозяйственного мыла, чтобы мыть руки и грудь, и частенько мешковина вместо полотенца.

Вот теперь я по-настоящему понял, что такое цыпки: когда работы было много, руки у меня все время оставались влажными, и мелкие красные трещинки добирались почти до локтей.

В такое время вызов к какому-нибудь домашнему любимцу был равносильен блаженной передышке. Забыть хоть ненадолго все эти зимние досады, войти вместо хлева в теплую элегантную гостиную и приступить к осмотру четвероногого, заметно менее внушительного, чем жеребец или племенной бык! А из всех этих уютных гостиных самой уютной была, пожалуй, гостиная миссис Памфри.

Миссис Памфри, пожилая вдова, унаследовала солидное состояние своего покойного мужа, пивного барона, чьи пивоварни и пивные были разбросаны по всему Йоркширу, а также прекрасный особняк на окраине Дарроуби. Там она жила в окружении большого штата слуг, садовника, шофера – и Трики-Ву. Трики-Ву был китайским мопсом и зеницей ока своей хозяйки.

Стоя теперь у величественных дверей, я украдкой обтирал носки ботинок о манжеты брюк и дул на замерзшие пальцы, а перед моими глазами проплывали картины глубокого кресла у пылающего камина, подноса с чайными сухариками, бутылки превосходного хереса. Из-за этого хереса я всегда старался наносить свои визиты ровно за полчаса до ланча.

Мне открыла горничная, озарила улыбкой, как почетного гостя, и провела в комнату, заставленную дорогой мебелью. Повсюду, сверкая глянцевыми обложками, лежали иллюстрированные журналы и модные романы. Миссис Памфри в кресле с высокой спинкой у камина положила книгу и радостно позвала:

– Трики! Трики! Пришел твой дядя Хэрриот!

Я превратился в дядю в самом начале нашего знакомства и, почувствовав, какие перспективы сулит такое родство, не стал протестовать.

Трики, как всегда, соскочил со своей подушки, вспрыгнул на спинку дивана и положил лапки мне на плечо. Затем он принялся старательно вылизывать мое лицо, пока не утомился. А утомлялся он быстро, потому что получал, грубо говоря, вдвое больше еды, чем требуется собаке его размеров. Причем еды очень вредной.

– Ах, мистер Хэрриот, как я рада, что вы приехали, – сказала миссис Памфри, с тревогой поглядывая на своего любимца. – Трики опять плюх-попает.

Этот термин, которого нет ни в одном ветеринарном справочнике, она сочинила, описывая симптомы закупорки околоанальных желез. В подобных случаях Трики показывал, что ему не по себе, внезапно садясь на землю во время прогулки, и его хозяйка в великом волнении мчалась к телефону: «Мистер Хэрриот, приезжайте скорее, он плюх-попает!»

Я положил собачку на стол и, придавливая ваткой, очистил железы.

Я не мог понять, почему Трики всегда встречал меня с таким восторгом. Собака, способная питать теплые чувства к человеку, который при каждой встрече хватается за нее и безжалостно давит ей под хвостом, должна обладать удивительной незлобивостью. Как бы то ни было, Трики никогда не сердился и вообще был на редкость приветливым песиком, да к тому же большим

умницей, так что я искренне к нему привязался и ничего не имел против того, чтобы считаться его личным врачом.

Закончив операцию, я снял своего пациента со стола. Он заметно потяжелел, и ребра его обросли новым слоем жира.

– Миссис Памфри, вы опять его перекармливаете. Разве я не рекомендовал, чтобы вы давали ему побольше белковой пищи и перестали пичкать кексами и кремовыми пирожными?

– Да-да, мистер Хэрриот, – жалобно согласилась миссис Памфри. – Но что мне делать? Ему так надоели цыплята!

Я безнадежно пожал плечами и последовал за горничной в роскошную ванную, где всегда совершал ритуальное омовение рук после операции. Это была огромная комната с раковиной из зеленовато-голубого фаянса, полностью оснащенным туалетным столиком и рядами стеклянных полок, уставленных всевозможными флакончиками и баночками. Специальное гостевое полотенце уже ждало меня рядом с куском дорогого мыла.

Вернувшись в гостиную, я сел у камина с полной рюмкой хереса и приготовился слушать миссис Памфри. Беседой это назвать было нельзя, потому что говорила она одна, но я всегда узнавал что-нибудь интересное.

Миссис Памфри была приятной женщиной, не скупилась на благотворительные пожертвования и никогда не отказывала в помощи тем, кто в этой помощи нуждался. Она была неглупа, остроумна и обладала сдобным обаянием, но у всех людей есть свои слабости, и ее слабостью был Трики-Ву. Истории, которые она рассказывала о своем драгоценном песике, широко черпались в царстве фантазии, а потому я с удовольствием ожидал очередного выпуска.

– Ах, мистер Хэрриот, у меня для вас восхитительная новость! Трики завел друга по переписке! Да-да, он написал письмо редактору собачьего журнала с приложением чека и сообщил ему, что он, хотя и происходит от древнего рода китайских императоров, решил забыть о своей знатности и готов дружески общаться с простыми собаками. И он попросил редактора подобрать среди известных ему собак друга для переписки, чтобы они могли обмениваться письмами для взаимной пользы. Трики написал, что для этой цели он берет себе псевдоним «мистер Чепушист». И знаете, он получил от редактора очаровательный ответ, – (я без труда представил себе, как практичный человек уцепился за этот потенциальный клад!), – и обещание познакомить его с Бонзо Фотерингемом, одиноким немецким догом, который счастлив будет переписываться с новым другом в Йоркшире.

Я прихлебывал херес. Трики похрапывал у меня на коленях. А миссис Памфри продолжала:

– Но у меня такое разочарование с новым летним павильоном! Вы ведь знаете, я строила его специально для Трики, чтобы мы смогли вместе сидеть там в жаркие дни. Это прелестная сельская беседка, но он чрезвычайно ее невзлюбил. Просто питает к ней отвращение и наотрез отказывается войти в нее. Видели бы вы ужасное выражение его мордашки, когда он смотрит на нее. И знаете, как он вчера ее назвал? Мне просто неловко это вам повторить! – Миссис Памфри оглянулась по сторонам, потом наклонилась ко мне и прошептала: – Он назвал ее «навозной дырой»!

Горничная помешала в камине и наполнила мою рюмку. Ветер швырнул в окно вихрь ледяной крупы. «Вот это настоящая жизнь», – подумал я и приготовился слушать дальше.

– И я же не сказала вам, мистер Хэрриот! Трики вчера снова выиграл на скачках. Право же, он втихомолку изучает все сообщения о скаковых лошадях! Иначе как бы он мог так верно судить, в какой они форме? Ну вот, он посоветовал мне вчера поставить в Редкаре на Хитрого Парня в третьем заезде, и, как обычно, эта лошадь пришла первой. Он поставил шиллинг и получил девять!

Ставки эти всегда делались от имени Трики-Ву, и я с сочувствием представил себе, каково приходится задерганным местным букмекерам. В конце какого-нибудь проулка появлялся плакат, призывающий аборигенов довериться Джо Даунсу и не тревожиться за свои денежки. Несколько месяцев затем Джо балансировал на лезвии ножа, меряясь смекалкой с умудренными опытом горожанами. Однако конец всегда бывал один: несколько фаворитов приходили первыми один за другим, и Джо исчезал во тьме ночной, забрав с собой плакат. Как-то я заговорил с одним из старожилов об исчезновении очередного из этих злополучных кочевников. Он ответил с полным равнодушием:

– Так мы же его обчистили.

Безусловно, необходимость выплачивать звонкие шиллинги собаке была тяжким крестом для этих несчастных.

– Я так испугалась на прошлой неделе! – продолжала миссис Памфри. – И уже думала вызвать вас. Бедняжка Трики вдруг оприпадился.

Мысленно я добавил этот новый собачий недуг к плюх-попанью и попросил объяснения.

– Это было ужасно. Я так испугалась! Садовник бросал Трики колечки. Вы ведь знаете, он бросает их по получасу каждый день.

Я действительно несколько раз наблюдал эту сцену. Ходжкин, угрюмый сгорбленный старик-йоркширец, который, судя по его виду, ненавидел всех собак, а Трики особенно, должен был каждый день стоять на лужайке и бросать небольшие резиновые кольца. Трики кидался за ними, приносил назад и бешено лаял, пока кольцо снова не взлетало в воздух. Игра продолжалась, и суровые морщины на лице старика становились все глубже, а губы шевелились не переставая, хотя расслышать то, что он бормотал, было невозможно.

– А Трики бегал за кольцами, – говорила миссис Памфри, – ведь он обожает эту игру, как вдруг без всякой причины он оприпадился. Забыл про кольца, стал кружить, тявкать и лаять самым странным образом, а потом упал на бочок и вытянулся, как мертвый. Вы знаете, мистер Хэрриот, я, право, подумала, что он умер, – так неподвижно он лежал. Но меня особенно расстроило, что Ходжкин вдруг принялся смеяться! Он работает у меня уже двадцать четыре года, и я ни разу не видела, чтобы он хоть раз улыбнулся, и тем не менее едва он взглянул на это бедное неподвижное тельце, как разразился пронзительным хихиканьем. Это было ужасно! Я уже собралась бежать к телефону, но тут Трики вдруг встал и ушел. И выглядел совсем таким, как всегда.

Истерика, подумал я. Следствие перекармливания и перевозбуждения. Поставив рюмку, я строго посмотрел на миссис Памфри:

– Послушайте, ведь об этом я вас и предупреждал. Если вы по-прежнему будете пичкать Трики вреднейшими лакомствами, вы погубите его здоровье. Вы просто обязаны посадить его на разумную собачью диету и кормить его раз, от силы два в день, ограничиваясь очень небольшими порциями мяса с черным хлебом. Или немножко сухариков. А в промежутках – решительно ничего.

Миссис Памфри виновато съежилась в кресле:

– Пожалуйста, пожалуйста, не браните меня. Я пытаюсь кормить его как полагается, но это так трудно! Когда он просит чего-нибудь вкусенького, у меня нет сил ему отказать! – Она прижала к глазам носовой платок, но я был неумолим.

– Что же, миссис Памфри, дело ваше, но предупреждаю вас: если вы и дальше будете продолжать в этом же духе, Трики будет оприпадываться все чаще и чаще.

Я с неохотой покинул уютную гостиную и на усыпанной песком подъездной аллее оглянулся. Миссис Памфри махала мне, а Трики, по обыкновению, стоял на подоконнике, и его широкий рот был растянут так, словно он от души смеялся.

По дороге домой я размышлял о том, как приятно быть дядей Трики. Отправляясь отдыхать на море, он присылал мне ящики копченых сельдей, а когда в его теплицах созревали

помидоры, каждую неделю преподносил мне фунт-другой. Жестянки табака прибывали регулярно, порой с фотографией, снабженной нежной подписью.

Когда же на Рождество мне доставили огромную корзину всяких деликатесов от «Форт-нема и Мейсона», я решил, что просто обязан слегка удобрить почву, приносящую столь великолепные плоды. До тех пор я ограничивался тем, что звонил миссис Памфри и благодарил ее за подарки, а она довольно холодно отвечала, что она тут ни при чем: все это посылает мне Трики, его и нужно благодарить.

Заглянув в рождественскую корзину, я внезапно осознал, какую серьезную тактическую ошибку совершал, и тут же принялся сочинять письмо Трики. Старательно избегая сардонических взглядов, которые бросал на меня Зигфрид, я поблагодарил своего четвероногого племянника за рождественский подарок и за былую его щедрость. Выразил надежду, что праздник не вызвал несварения его нежного желудка, и порекомендовал на всякий случай принять черный порошочек, который ему всегда прописывает дядюшка. Сладостное видение селедок, помидоров и рождественских корзин заглушило смутное чувство профессионального стыда. Я адресовал конверт «мастеру Трики Памфри, Барлби-Грейндж» и бросил его в почтовый ящик лишь с легким смущением.

Когда я в следующий раз вошел в гостиную миссис Памфри, она отвела меня в сторону.

– Мистер Хэрриот, – зашептала она, – Трики пришел в восторг от вашего прелестного письма, но одно его очень расстроило: вы адресовали письмо «мастеру Трики», а он настаивает, чтобы его называли «мистером», как взрослого. Сперва он страшно оскорбился, был просто вне себя, но, когда увидел, что письмо от вас, сразу успокоился. Право, не понимаю, откуда у него такие капризы. Может быть, потому, что он – единственный. Я убеждена, что у единственных собачек легче возникают капризы, чем у тех, у кого есть братья и сестры.

Войдя в двери Скелдейл-хауса, я словно вернулся в более холодный, более равнодушный мир. В коридоре со мной столкнулся Зигфрид.

– И кто же это приехал? Если не ошибаюсь, милейший дядюшка Хэрриот! И что же вы подельывали, дядюшка? Уж конечно, надрывались в Барлби-Грейндже. Бедняга, как же вы утомились! Неужели вы искренне верите, будто корзиночка с деликатесами к Рождеству стоит кровавых мозолей на ладонях?

На сцену выходит мисс Харботтл

Оглядываясь назад, я не могу поверить, что мы тратили многие часы на приготовление лекарств. И тем не менее они поступали к нам не в фирменных упаковках, и перед тем, как сесть в машину, мы должны были наполнить ее целым набором из тщательно подобранных и, как правило, бесполезных препаратов.

Когда Зигфрид зашел ко мне в то утро, я держал трехсотграммовую бутылку на уровне глаз и доливал в нее сироп этилморфина. Тристан с мрачным видом растирал в ступке желудочное снадобье и, почувствовав на себе взгляд брата, удвоил усилия. Вокруг него горой лежали пакеты с уже приготовленным порошком и пессарии, которые он приготовил, наполняя полиэтиленовые цилиндры борной кислотой.

Тристан казался олицетворением труда, его локоть яростно ходил взад и вперед, пока он растирал карбонат аммония с порошком рвотного ореха. Зигфрид снисходительно улыбнулся.

Я тоже улыбнулся. Я всегда испытывал неловкость, когда братья ссорились, но в тот раз мне было очевидно, что утро обещает быть добрым. В атмосфере дома наметилось заметное улучшение после Рождества, когда Тристан незаметно смотался в колледж и без видимых стараний сдал все экзамены. Но сегодня в моем шефе было что-то еще: он, казалось, светился каким-то внутренним сиянием, довольный собой так, как будто знал, что впереди его ждет нечто очень хорошее. Он вошел в комнату и закрыл дверь.

– У меня – хорошие новости.

Я закрыл бутылку пробкой.

– Что ж, не томите. Выкладывайте.

Зигфрид переводил взгляд то на меня, то на брата. Он явно ухмылялся.

– Вы помните тот бедлам, который случился, когда Тристан занялся счетами?

Тристан отвернулся и стал еще быстрее растирать смесь в ступке, но Зигфрид подошел к нему и дружески потрепал по плечу:

– Не переживай, я не собираюсь просить тебя заняться этим снова. Более того, тебе больше никогда не придется делать это, потому что впредь этим будет заниматься специалист. – Он сделал паузу и откашлялся. – У нас будет секретарь.

Мы уставились на него, а он продолжил:

– Да, я сам нашел ее, и мне кажется, она безупречна.

– И какая она? – спросил я.

Зигфрид поджал губы.

– Описать ее трудно. Но просто подумайте, кто нам нужен? Нам же не нужно воздушное существо, которое будет порхать по приемной. Нам не нужна симпатичная блондинка, которая будет пудрить носик за столом и строить всем глазки.

– Разве? – В голосе Тристана явно звучало непонимание.

– Нет, нам этого не надо, – заключил вместо него Зигфрид. – Она будет думать исключительно о своих мальчиках, а как только привыкнет к нашему распорядку – сбежит под венец.

Тристан все еще не поддавался на уговоры, и его брат начал выходить из себя. Лицо Зигфрида стало краснеть.

– И, кроме того, как мы можем позволить себе красивую молодую девушку в доме, где живут такие типы, как ты? Ты же не оставишь ее в покое.

Тристан был задет.

– А ты?

– Я говорю о тебе, а не о себе! – Зигфрид уже рычал.

Мир между братьями был непродолжительным. Я решил вмешаться:

– Ну хорошо. Расскажите нам о новой секретарше.

С видимым усилием Зигфрид подавил вспышку гнева.

– Ну, ей за пятьдесят, и она вышла на пенсию после тридцати лет работы в «Грин и Мултон» в Брэдфорде. Она была секретарем компании, и в ней ее вспоминают только с благодарностью. Ее назвали образцом эффективного сотрудника, а в нашей работе эффективность – главное. Мы допускаем слишком большую слабину. Нам просто повезло, что она решила поселиться в Дарроуби. Как бы то ни было, вы сможете познакомиться с ней через несколько минут, она придет сегодня к десяти часам утра.

Часы на церковной колокольне начали бить, когда в дверь позвонили. Зигфрид поспешил на звук и с видом триумфатора ввел свою находку в комнату.

– Джентльмены, это – мисс Харботтл, прошу любить и жаловать.

Это была крупная женщина с высоким бюстом и округлым лицом, на котором выделялись очки в золотой оправе. Масса черных кудряшек выглядывала из-под ее шляпки, было похоже, что они – крашенные, и они совершенно не шли к ее строгому костюму и обуви.

Я сразу подумал, что нам не придется опасаться, что она сбежит от нас замуж. Не то чтобы она была уродлива, но ее выдающийся вперед подбородок и умение без усилия командовать окружающими заставили бы любого мужчину искать спасения в бегстве.

Я пожал ее руку и был удивлен силой, с которой она ответила мне. Мы посмотрели друг другу в глаза, последовало несколько секунд молчаливой борьбы взглядов, затем она почла за благо согласиться на ничью и отвернулась. Тристан оказался совершенно не готов к встрече, весь его вид свидетельствовал о том, как сильно он встревожен. Его рука оказалась в плену и была освобождена только тогда, когда у него уже стали трястись колени.

Она начала обход приемной, а Зигфрид следовал за ней, потирая руки; он был похож на приказчика, обхаживающего любимого клиента. Она остановилась возле стола, на котором горой лежали счета – наши и выставленные нам, анкеты Министерства сельского хозяйства, рекламы разных фирм, а также разнообразные пилули и тубики с мазями.

С негодованием разгребая накопившийся мусор, она нашла главную книгу и брезгливо зажала ее между большим и указательным пальцем:

– Что это?

Зигфрид легкой рысью поспешил к ней.

– О, это – наша главная книга. Мы заносим в нее все наши визиты, которые отмечаем в регистрационной книге, она тоже должна быть где-то здесь. – Он порылся на столе. – Вот она. Сюда мы записываем вызовы и посещения по мере их поступления.

Она изучила обе книги в течение нескольких минут, причем на лице ее отразилось выражение удивления, которое сменилось мрачным юмором.

– Джентльмены, если вы хотите, чтобы я вела ваши книги, потрудитесь научиться писать. Я вижу, что они заполнены тремя разными почерками, но вот этот решительно хуже остальных. Он просто ужасен. Чья это рука?

Она показала пальцем на неровную строчку, состоявшую из коряво написанных слов.

– Вообще-то, это моя рука, – сказал Зигфрид, переминаясь с ноги на ногу. – Наверное, я в тот день очень торопился.

– Да почерк у вас везде одинаковый, мистер Фарнон. Смотрите – вот, вот и вот. Знаете, так не годится.

Зигфрид спрятал руки за спину и повесил голову.

– Полагаю, что здесь вы держите письменные принадлежности и конверты. – Она выдвинула верхний ящик стола.

Оказалось, что он доверху забит старыми пакетами с семенами, некоторые уже порвались, просыпав на грудку мусора несколько горошин и фасолинок. Следующий ящик оказался забитым грязными веревками для родовспоможения коров, которые никто не удосужился помыть. Пахли они не слишком приятно, и мисс Харботтл поспешила задвинуть его назад. Однако ее

было трудно смутить или сбить с толку, и она с надеждой потянула на себя третий ящик. Он открылся с мелодичным звоном, и она увидела ряд пустых бутылок из-под пива.

Мисс Харботтл медленно выпрямилась и терпеливым голосом спросила:

– Могу я узнать, где у вас касса? Где вы держите наличность?

– Ну, мы просто забиваем ею вон ту штуку. – Зигфрид показал на литровый горшок, стоящий на каминной полке. – У нас нет нормальной кассы, но он прекрасно справляется с ее ролью.

Мисс Харботтл с ужасом посмотрела на горшок:

– Как, вы кладете туда...

Измятые чеки и банкноты глядели на нее из горлышка, причем некоторые из них упали в камин.

– Вы хотите сказать, что, уходя, вы оставляете деньги лежать там изо дня в день?

– По-моему, никому это не повредило, – возразил Зигфрид.

– А где вы храните мелочь?

Зигфрид напряженно хихикнул:

– Да знаете ли, там же. Всю наличность, мелочь тоже.

Румяное лицо мисс Харботтл начало терять цвет.

– Знаете, мистер Фарнон, все это очень плохо. Я не знаю, как вам удалось протянуть так долго. Просто не знаю. Однако я убеждена в том, что смогу все поправить, и очень скоро. Я вижу, что в вашем бизнесе нет ничего сложного: обычная система картотечного учета – вот все, что нужно для ведения вашего баланса. Что же касается остальных мелочей, – она с недоверием посмотрела на горшок, – то я все сделаю как надо, и очень быстро.

– Отлично, мисс Харботтл, отлично. – Зигфрид с еще большей энергией потирал руки. – Мы ждем вас в понедельник утром.

– Ровно в девять часов, мистер Фарнон.

После ее ухода воцарилось молчание. Тристану понравилось ее посещение, а я испытывал сомнения.

– Знаете, Зигфрид, – сказал я, – возможно, она и гений эффективности, но не кажется ли вам, что она слишком строга?

– Строга? – Зигфрид громко, но довольно принужденно рассмеялся. – Ничего подобного. Оставьте это мне. Я с ней справлюсь.

Тристан-животновод

Мебели в столовой было мало, но благородные очертания комнаты и ее размер придавали дополнительную грацию длинному буфету и скромному столику из красного дерева, за которым завтракали мы с Тристаном.

Единственное большое окно комнаты было расписано морозными узорами, а с улицы доносился отчетливый скрип пешеходов, шедших по холодному снегу. Я поднял глаза от вареного яйца и увидел, как к дому подкатил автомобиль. Затем мы услышали топание ног на крыльце, хлопанье входной двери, и в комнату ворвался Зигфрид. Не говоря ни слова, он прошел к камину и нагнулся над ним, опустив локти на серую мраморную доску. Он почти по самым глазам закутался в пальто и шарф, но все равно было видно, что лицо у него лилово-синее.

Он метнул быстрый взгляд на стол.

– У старого Хезелтайна – того, что живет в одном из домов на холме, – случай послеродового пареза. Боже, как же там холодно. Я едва дышу.

Он стащил перчатки и пошевелил онемевшими пальцами над огнем, бросая косые взгляды на брата. Тристан сидел ближе всех к огню и наслаждался своим завтраком, как он наслаждался всем в жизни, с радостью намазывая масло на тост и с веселым свистом накладывая себе джем. Его «Дейли миррор» лежала на своем месте, рядом с кофейной чашкой. Можно было физически ощущать исходящие от него волны комфорта и удовлетворения.

Зигфрид с сожалением оторвался от камина и упал на стул.

– Мне только чашку кофе, Джеймс. Хезелтайн оказался радушным хозяином, он попросил меня позавтракать вместе с ним. Угостил меня щедрым куском бекона из откормленной дома свиньи – большим, может быть, чересчур жирным, но каким же вкусным! Я до сих пор его ощущаю. – Он со стуком поставил свою чашку. – А знаете, я не вижу причин, по которым мы должны покупать бекон и яйца у бакалейщика. В саду стоит прекрасный курятник, а во дворе – свинарник с печью, где можно готовить пойло свиньям. Все отходы с нашего стола можно использовать для откорма свиньи. Нам вполне по силам получить достаточно дешевую свинину. – Он повернулся к Тристану, который только что закурил сигарету и теперь разворачивал «Миррор» с видом невыразимого удовольствия, что вообще было ему свойственно. – А для тебя это было бы полезным занятием. А то ты слишком много времени просиживаешь задницу без дела, а это – непродуктивно. Немного скотоводства будет тебе полезно.

Тристан положил газету на стол, как будто из нее исчезло все очарование.

– Скотоводство? Что ж, между прочим, я кормлю твою кобылу.

Ему не нравилось ухаживать за новым гунтером Зигфрида, поскольку кобыла игриво лягала его каждый раз, когда он вел ее по двору к водопою.

Зигфрид подпрыгнул.

– Я помню об этом, но не весь же день ты тратишь на это! Не помрешь же ты, если присмотришь за курами и свиньями.

– Свиньями? – Тристан казался удивленным. – Ты же говорил об одной свинье.

– Да-да, свиньями. Я просто размышляю. Если мы купим целый выводок, то после откорма можем одну оставить для себя, а остальных – продать. Будет очень выгодно.

– С бесплатным трудом, конечно.

– Трудом? Трудом? Ты же не знаешь, что такое труд! Посмотри на себя, целыми днями валяющегося с сигаретой в зубах. Ты куришь слишком много этих чертовых сигарет.

– Ты тоже.

– При чем тут я, когда разговор идет о тебе! – заорал Зигфрид.

Со вздохом я встал из-за стола. Начинался новый день.

Когда Зигфриду в голову приходила идея, он не терял времени. Лозунгом дня становилось немедленное действие. Через сорок восемь часов в свинарнике поселился выводок из десяти поросят, а за проволокой курятника гуляла дюжина суссекских кур. Особенно он радовался курам. «Посмотри на них, Джеймс. Сначала яиц будет немного, но, как только они начнут нестись по-настоящему, мы будем ими завалены. Нет ничего лучше, чем отличное свежее яйцо, еще теплое, прямо из гнезда».

С самого начала было ясно, что Тристан не разделяет энтузиазма брата по отношению к курам. Я часто наблюдал, как он ходит вокруг курятника и с выражением скуки на лице бросает хлебные крошки за проволоку. Я не замечал и следа кормления по расписанию, и сбалансированных диет, рекомендованных специалистами. Как несушки курицы его не интересовали, но он проявлял слабый интерес к ним как к личностям. Своеобразное кудахтанье, особенности походки – это его забавляло.

Но недели шли, а яиц не было, и Зигфрид начал раздражаться. «Ну, доберусь я до того парня, что продал мне куриц. Чертов негодяй. Все твердил, какая это яйценосная порода». На него было жалко смотреть, когда он по утрам с нетерпением проверял пустые гнезда.

Однажды утром я проходил по саду, когда меня окликнул Тристан:

– Иди сюда, Джим. Тут что-то новенькое. Спорим, ты никогда не видел ничего подобного.

Он показал рукой вверх, и я увидел группу необычно ярких крупных птиц, сидящих на ветках вяза. Другие сидели в ветвях соседней яблони.

Я уставился на них в удивлении:

– Ты прав, я никогда не видел такого. Кто это?

– Ну же, – сказал Тристан, ухмыляясь от удовольствия. – Конечно же, ты их знаешь. Посмотри внимательно.

Я снова посмотрел вверх:

– Нет, я никогда не видел таких крупных птиц, да еще с таким экзотичным оперением.

Что это – необычная миграция?

Тристан фыркнул от смеха:

– Да это же наши куры.

– Как же они туда попали?

– Они сбежали из дому. Покинули его.

– Но я вижу только семь. Где остальные?

– Бог его знает. Давай посмотрим с той стороны стены.

Крошащийся цемент давал много мест, куда можно было поставить ногу, и мы заглянули в соседний сад. Мы увидели там остальных пятерых кур, разгуливающих между капустными грядками и подбирающих что-то с земли.

Потребовалось немало времени, чтобы вернуть их всех в курятник, но этим скучным делом пришлось заняться несколько раз в течение следующего дня. Куры явно устали от жизни под руководством Тристана и решили, что им лучше отправиться жить в другие места. Они стали кочевниками, забираясь все дальше и дальше в поисках средств к существованию.

Поначалу соседи посмеивались. Они звонили нам, чтобы сообщить, что их дети загнали кур в угол, и просили приехать и забрать их. Однако по истечении какого-то времени их игривость стала улетучиваться. В итоге Зигфриду пришлось участвовать в нескольких болезненных беседах. Ему прямо сказали, что его курицы стали сильно досажать.

После одного особенно неприятного разговора Зигфрид решил избавиться от кур. Это был жестокий удар судьбы, и по традиции под горячую руку попал Тристан.

– Я, видимо, совсем рехнулся, когда подумал, что куры под твоим присмотром будут нести яйца. Но не слишком ли это много для тебя? Я поручил тебе эту немудреную работу, поскольку подумал, что даже ты не сможешь ее запороть. Но посмотри, что стало с ней всего

после трех недель. Мы не увидели ни единого яйца. Эти чертовы курицы, как голуби, летают по округе. Мы постоянно ссоримся с соседями. Ты славно справился с поручением, не так ли?

В Зигфриде проснулся несостоявшийся производитель яиц, это было видно по его крику, переходившему в визг.

Лицо Тристана изображало оскорбленную добродетель, но у него достало сил, чтобы защищаться.

– Ты знаешь, с этими курицами с самого начала творилось что-то странное, – прошептал он.

Зигфрид потерял остатки управления своим гневом.

– Странное? – заорал он в голос. – Это ты странный, а не бедные курицы. Ты – самый странный придурок в округе. Ради бога, исчезни с глаз моих.

Тристан удалился с молчаливым достоинством.

Понадобилось еще некоторое время, чтобы исчезли последние следы куриной авантюры, однако пару недель спустя мы сидели за тем же обеденным столом, и я был уверен, что все уже забыто. По крайней мере так казалось, хотя в душе осталось ощущение прихоти судьбы. Но тут в комнату влетел Зигфрид и грозно склонился над братом.

– Я полагаю, ты помнишь тех куриц, которых мы отдали миссис Дэйл, старой пенсионерке на Браунз-Ярд? – Он почти шептал. – Так вот, я только что говорил с ней. Она души в них не чает. Дает им горячее пойло утром и вечером и собирает в день по десять яиц. – Его голос поднялся почти до крика. – Десять яиц, ты слышишь, десять яиц?!

Я торопливо допил остатки чая и откланялся. Быстрым шагом прошел по коридору и направился в сад к своему автомобилю. По пути я прошел мимо курятника. Он выглядел заброшенным. И хотя до столовой было уже довольно далеко, я все еще слышал голос Зигфрида.

Тристан-животновод – 2

– Джим, иди сюда, посмотри на этих попрошаек! – Тристан смеялся, глядя в дверь свинарника.

Я пересек двор.

– Что случилось?

– Я только что дал им пойло, и оно немного горячее. Посмотри-ка на них!

Поросята хватали еду, роняли ее и с подозрением обходили ее вокруг. Время от времени они подходили к корыту, трогали горячую картошку пяточками и в тревоге отскакивали в сторону. Не было слышно обычного для еды чавканья, только озадаченное ворчание.

С самого начала Тристану было интереснее со свиньями, чем с курами, что было хорошо, поскольку ему требовалось прийти в себя после катастрофы с птицеводством. Он много времени проводил во дворе, кормя свиней или убирая за ними навоз, но больше всего времени он проводил, опершись локтями на дверь свинарника и наблюдая за своими подопечными.

Как и в случае с курами, ему было интереснее наблюдать за поведением свиней, а не развивать их способности давать свинину и бекон. Налив пойло в корыто, он всегда завороченно наблюдал, как поросята бросаются к нему. Вскоре в процессе поглощения пищи появлялись первые признаки напряженности. Маленькие зверьки начинали смотреть по сторонам, потом их желание узнать, что же так вкусно поглощают их соседи, становилось невыносимым, и они начинали переходить с места на место, резво прыгали на спины друг другу и сваливались в корыто.

Старый Бордман с удовольствием помогал ему, впрочем главным образом как советчик. Как все деревенские жители, он считал, что знает все о скотоводстве и болезнях животных, причем оказалось, что свиньи – это его специализация. Под карикатурами Бэрнсфадера в темном чулане происходили долгие беседы, и старик с воодушевлением рассказывал о том, каких больших и прекрасных животных он выращивал в этом самом свинарнике.

Тристан слушал его с уважением, потому что у него были твердые доказательства познаний Бордмана в виде его умения обращаться с печью. Тристан мог разжечь ее, но она гасла, как только он отворачивался, а Бордману она подчинялась безоговорочно. Я часто видел, как Тристан с интересом слушает постоянную болтовню ходящего по двору старика, и над ними обоими поднимался запах варящейся картошки.

Никакое животное не перерабатывает еду в мясо так же быстро, как свинья, и через несколько недель маленькие розовые существа с пугающей скоростью превратились в огромных раскормленных свиней. Их характер испортился. Они потеряли всякое очарование. Кормление перестало быть забавным зрелищем и являло теперь собой сцену драки, причем шансы Тристана в ней становились все слабее.

Я видел, как расцветало лицо Бордмана и как он бросал любое свое занятие, когда Тристан заливал в корыто похлебку, приготовленную в печи.

Ему явно нравилось наблюдать за ежедневным соревнованием, и он с удовольствием садился на угол каменного корыта. Тристан, слушая визг, который издавали свиньи, услышавшие звон ведра, должен был собрать в кулак все свои силы. Он кричал на животных страшным голосом, но скорее для того, чтобы приободрить себя, затем открывал засов и оказывался среди хрюкающих, толкающихся животных и огромных грязных рыл, которые пытались прорваться к ведру. Их ноги топтались на его ногах, а сам он едва мог устоять под напором тяжелых тел.

Я не мог не улыбнуться, вспоминая былые времена, когда эта игра забавляла нас. Теперь было не до смеха. Тристан размахивал перед свиньями тяжелой дубинкой, прежде чем войти к ним. Удары палкой для расчистки хотя бы небольшого свободного места были единственным способом устоять на ногах, когда он оказывался внутри.

Свиньи уже почти достигли убойного веса, когда наступил ярмарочный день. Я вошел в комнату и застал Тристана, рассеявшегося в его любимом кресле. Но было что-то необычное во всей картине: он не спал, у него в руках не было ни бутылки с лекарством, ни сигареты, ни «Дейли миррор». Его руки бессильно свисали с обеих сторон кресла, глаза были полуприкрыты, а лоб покрыт потом.

– Джим, – прошептал он, – у меня сегодня было самое адское утро за всю мою жизнь.

Я был встревожен его внешним видом.

– А что случилось?

– Свиньи, – сказал он квакающим голосом. – Они сбежали сегодня утром.

– Сбежали? Как им это удалось?

Тристан запустил пятерню в волосы.

– Это случилось, когда я кормил кобылу. Я задал ей сена и подумал, что можно одновременно покормить свиней. Ты же знаешь, какими они теперь стали, но сегодня они просто взбесились. Как только я открыл дверь, они все вместе набросились на меня. Сбили с ног, опрокинули ведро и все остальное и накинудись на меня. – Он поежился и посмотрел на меня широко открытыми глазами. – Скажу тебе, Джим, когда я лежал там, на камнях, залитый похлебкой, а эти гады скакали по мне, я был уверен, что все кончено. Но они не растерзали меня. Они галопом поскакали к садовой калитке.

– А садовая калитка была открыта?

– В том-то и дело, что да. Именно в этот день мне понадобилось оставить ее открытой!

Тристан сел прямо и заломил руки.

– Ты понимаешь, поначалу я подумал, что все обойдется. Они притормозили у садовой дорожки и медленно повернули на улицу, а я и Бордман неслись за ними по пятам. На улице они собрались в группу. Казалось, они не знают, куда бежать дальше. Я был уверен, что мы сумеем повернуть их назад, но тут одна из них увидела себя в витрине магазина Робсона. – Он очень эмоционально обрисовал свинью, несколько секунд смотревшую на свое отражение и затем отпрыгивающую с недовольным ворчанием. – Это и решило дело. Чертово животное запаниковало и бросилось на рыночную площадь со скоростью примерно восемьдесят километров в час, а остальные побежали за ней.

Я разинул рот. Десять огромных свиней на площади, где повсюду расставлены лотки с товаром и гуляют толпы покупателей, – такую картину трудно было даже себе представить.

– Женщины кричат, дети кричат. Владельцы лотков, полиция и все остальные насылают на меня проклятия. Возникла многокилометровая пробка на шоссе, и все автомобили стали сигналить как бешеные, а полицейский на посту пытался угрожать мне. – Он вытер лоб. – Ты помнишь этого разговорчивого торговца фарфором? Сегодня я видел, как он потерял дар речи. Он держал в руках чашку и находился в самом разгаре своего трюка, когда одна из свиней встала передними ногами на его лоток и посмотрела ему в глаза. Он остановился так резко, как будто его подстрелили. В другое время я бы над этим позабавился, но сбежавшее животное собиралось опрокинуть лоток. Он уже начал трещать и раскачиваться, но внезапно свинья передумала и убежала.

– А как обстоят дела сейчас? – спросил я. – Тебе удалось вернуть их?

– Я вернул девять из них, – ответил Тристан и снова откинулся в кресле, закрыв глаза. – С помощью почти всего мужского населения округа я вернул девятерых. Десятую в последний раз видели, когда она на приличной скорости неслась на север. Бог знает где она теперь. Да, я не сказал тебе: одна из них забежала в здание почты. Провела там довольно много времени. – Он закрыл лицо руками. – В этот раз я точно попался. После этого несчастья я попаду в руки правосудия. В этом не может быть сомнения.

Я похлопал его по ноге.

– А я бы не стал беспокоиться. Не думаю, что был нанесен большой ущерб.

Тристан возразил со стоном:

– Но это еще не все. Когда я, наконец загнав их в свинарник, закрыл за ними дверь, то был на грани потери сознания. Я оперся о стену, ловя воздух, когда увидел, что ушла кобыла. Да, ушла. Я рванул за свиньями и забыл запереть ее в деннике. Не знаю, где она. Бордман сказал, что поищет, – у меня уже нет сил. – Трясущимися руками Тристан зажег сигарету. – Это конец, Джим. Зигфрид в этот раз не будет знать жалости.

Только он это сказал, как открылась дверь и в комнату ворвался его брат.

– Что за чертовщина происходит вокруг? – зарычал он. – Я только что разговаривал с викарием, и он сказал, что моя кобыла стоит у него в саду и ест желтофиоли. Он в страшном гневе, и я могу его понять. Давай работай, молодой ленивый негодяй. Хватит валяться здесь, сейчас же отправляйся к викарию и верни ее назад!

Тристан даже не пошевелился. Он лежал, безразличный ко всему, и смотрел на брата. Его губы слабо двигались.

– Нет, – сказал он.

– Что такое? – закричал, не веря своим ушам, Зигфрид. – Немедленно вылезай из кресла. Отправляйся и приведи сюда кобылу.

– Нет, – возразил ему Тристан.

Я похолодел от ужаса. Такое неповиновение не имело прецедентов. Зигфрид покраснел, как свекла, и я приготовился к взрыву гнева, но первым заговорил Тристан:

– Если тебе нужна твоя кобыла, пойд и приведи ее сам.

Он говорил тихим голосом, в котором не было и намека на дерзость. Он производил впечатление человека, которому нет дела до его собственного будущего.

Даже Зигфрид увидел, что Тристану на сегодня достаточно. Он посмотрел на брата несколько секунд и вышел. Кобылу он привел сам.

Ничего больше не было сказано об инциденте, только свиней вскоре отправили на мясокомбинат, а на их место не взяли никого. Скотоводческий проект был закрыт.

Зигфрид и мисс Харботтл

Когда я зашел в комнату, мисс Харботтл сидела над пустой кассой и выглядела потерянной. Касса представляла собой новый блестящий черный ящик с надписью «Мелкая наличность», сделанной наверху белыми буквами. Внутри лежала красная книжечка, куда аккуратными колонками заносились цифры прихода и расхода. Только денег в ней не было.

Крепкие плечи мисс Харботтл опустились. Она потрясла красной книжечкой, зажав ее между большим и указательным пальцем, из нее выкатился одинокий шестипенсовик и со звоном упал в кассу. «Он опять лазил сюда», – прошептала она.

В коридоре слышались крадущиеся шаги.

– Мистер Фарнон! – крикнула она. И обращаясь уже ко мне: – Разве не глупо – пытаться проскользнуть мимо этой двери?

Зигфрид, с неохотой перебирая ногами, вошел в комнату. В одной руке он держал желудочный зонд с насосом, в другой – бескровный кастратор, а из кармана его пиджака торчали бутылки с хлористым кальцием.

Он весело улыбнулся, но я видел, что он чувствует себя не в своей тарелке не только потому, что нагрузился не совсем обычным инструментарием, но и потому, что с точки зрения тактики его положение было безнадежным. Мисс Харботтл поставила свой стол так, что сама сидела спиной к углу, и ему надо было пройти много шагов по ковро, чтобы подойти к ней. Ей из угла был виден каждый сантиметр огромной комнаты, а если дверь была открыта – то и коридора. Повернув же голову налево, она могла в окно видеть улицу. Ничто не ускользало из ее поля зрения – она занимала позицию силы.

Зигфрид взглянул на квадратную фигуру, сидящую за столом.

– Доброе утро, мисс Харботтл, я вам нужен?

Из-под очков в золотой оправе блеснули серые глаза.

– Именно что нужны, мистер Фарнон. Объясните мне, почему вы в очередной раз опустошили мой ящик для мелочи?

– О, извините. Мне прошлой ночью срочно нужно было в Бротон, и мне немного не хватало денег. У меня правда не было другого выхода.

– Но, мистер Фарнон, за два месяца, что я работаю здесь, это случалось раз десять, не меньше. Какой смысл в моих попытках вести точный учет движения денег, когда вы продолжаете их воровать и тратить?

– Ну, мне просто кажется, что я привык к этой системе в те дни, когда мы складывали деньги в литровый горшок.

– Никакой системы в этом не было. Это была анархия. Так бизнесом не управляют. Сколько раз я уже вам об этом говорила, и вы каждый раз обещали мне исправиться. Я просто не знаю, что делать.

– Да ничего страшного, мисс Харботтл. Возьмите из банка и положите в вашу кассу. И все станет нормально.

Зигфрид собрал с пола петли желудочного зонда и собирался уходить, но мисс Харботтл многозначительно закашлялась.

– Есть еще пара вопросов. Могу я попросить вас исполнить еще одно ваше обещание: регистрировать ваши вызовы и записывать стоимость оказанных услуг каждый день? Прошла неделя с того дня, когда вы последний раз писали в регистрационной книге. Как же я могу выписывать счета по первым числам каждого месяца? Важнее этого нет ничего, но как я могу выполнять свои обязанности, если вы мне так мешаете?

– Да-да, я извиняюсь, но у меня куча звонков, и я должен идти – правда.

Он уже был на полдороге к двери, но зонд опять упал на пол, и он вновь услышал злое- щее покашливание у себя за спиной.

– И еще, мистер Фарнон. Я по-прежнему не могу расшифровать ваш почерк. Все эти медицинские термины достаточно сложны сами по себе, поэтому, прошу вас, перестаньте писать каракулями.

– Очень хорошо, мисс Харботтл.

Зигфрид ускорил шаг по направлению к двери, ведущей в коридор, где он мог бы обрести мир и покой. Он радостно стучал каблуками по кафелю пола, когда его настиг знакомый звук. Мисс Харботтл могла направлять его на значительные расстояния, внося в него повелительную нотку, которой нельзя было не подчиниться. Я слышал, как Зигфрид кладет на пол зонд и насос и как звякают на полу бутылки с кальцием, – должно быть, они впились ему в ребра.

Он снова встал перед столом. Мисс Харботтл погрозила ему пальцем:

– Раз уж вы здесь, то я хотела бы упомянуть и еще один вопрос, который беспокоит меня. Посмотрите на книгу регистраций. Видите, здесь на каждой странице приклеены бумажки? На них – а их не один десяток – написаны вопросы, и я не могу сдвинуться с места, пока вы не ответите на них. Как я вас ни спрошу, у вас вечно нет времени. Не пройдемся ли мы по ним прямо сейчас?

Зигфрид быстро попятился.

– Нет-нет, только не прямо сейчас, у меня срочные вызовы. Мне очень жаль, но придется решить этот вопрос в другой раз. Когда я вернусь, то при первой же возможности встречусь с вами.

Он почувствовал за спиной дверь, последний раз взглянул на сердитую массивную фигуру за столом, отвернулся и сбежал.

К чему приводит головокружение от успехов

Теперь я мог окинуть взглядом итоги шести месяцев тяжелой практической работы. Я ездил на вызовы к коровам, лошадям, свиньям, собакам и кошкам семь дней в неделю, по утрам и вечерам, днем, а также и в те часы, когда весь остальной мир спал. Я помогал телиться коровам и пороситься свиньям, отчего мои руки болели и с них сходила кожа. Меня пинали, сбивали с ног, топтали копытами и обильно орошали всевозможным навозом. Я видел изнутри все болезни животных. И все-таки тихий голос внутри меня цеплялся к моим мыслям, он говорил, что я не знаю ничего, совершенно ничего.

Это было странное чувство, поскольку шесть месяцев практики опирались на пять лет теории, тяжелого, болезненного усвоения тысяч фактов и тщательного складирования отрывков знания, которое я хранил, как белка свои орехи. Начав изучение с растений и низших форм жизни, я копил знания и во время вскрытий в анатомичке, и во время занятий по физиологии, все время шел по обширным безлюдным просторам медицинской теории. Затем была наука патология, которая разорвала завесу невежества и в первый раз позволила взглянуть на свои глубинные секреты. А еще наука паразитология, рассказывающая об обширном мире других тварей – о червях, блохах и чесоточных клещах. И наконец, медицина и хирургия, венчавшие мои познания тем, что научили меня пользоваться ими в повседневной борьбе с болезнями животных.

А помимо этого, было еще много всего – типа физики, химии, гигиены. Похоже, никто ни о чем не забыл. Почему же я чувствую себя так, будто ничего не знаю? Почему я иногда кажусь себе астрономом, который в телескоп глядит на неизвестную галактику? Меня угнетало ощущение того, что я наугад пытаюсь найти что-то на краю безграничного пространства. Это было тем более забавно, что, как мне казалось, все вокруг знают о больных животных всё. Парень, который держал коровий хвост, соседний фермер, мужчины в пабе, приходящие садовники – все они свободно и убежденно давали свои советы.

Я попытался осмыслить свою жизнь. А было ли когда-нибудь время, когда я сам чувствовал подобную безграничную веру в свои знания? И тогда я вспомнил.

Это было еще в Шотландии, мне было семнадцать, и я входил в арку Ветеринарного колледжа на Монроуз-стрит. Я уже три дня был студентом, но только тогда я ощутил трепетное чувство настоящего дела. Копание в ботанике и зоологии мне нравилось, но в тот день я почувствовал, что занимаюсь настоящим делом: у меня была первая лекция по животноводству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.